

Майкл Фоли

ВЕК АБСУРДА

[Почему в современной жизни
трудно быть счастливым]

Up
UNITED PRESS

[КТО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ НЕ ОТРАВЛЕН ТОКСИЧНОЙ СМЕСЬЮ РАЗОЧАРОВАНИЯ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ, ЖЕЛАНИЙ, ТРЕВОГ, ДОСАДЫ? КОМУ НЕ ТРЕБУЕТСЯ СРОЧНО СТАТЬ МОЛОЖЕ, БОГАЧЕ, БОЛЕЕ ТАЛАНТЛИВЫМ И УВАЖАЕМЫМ, БОЛЕЕ ЗНАМЕНИТЫМ, А ГЛАВНОЕ – БОЛЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ СЕКСУАЛЬНО? КТО НЕ ЧУВСТВУЕТ, БУДТО ИМЕЕТ ПРАВО НА БОЛЬШЕЕ, И НЕ ЗЛИТСЯ ОТТОГО, ЧТО НИКАК НЕ ЗАПОЛУЧИТ ЭТО БОЛЬШЕЕ?

ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО, ЧТО ЗАПАДНЫЙ МУЖЧИНА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, КОТОРОМУ НИ РАЗУ В ЖИЗНИ НЕ СДЕЛАЛИ МИНЕТ, ОЩУЩАЕТ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ МИРОУСТРОЙСТВА КУДА ОСТРЕЕ, ЧЕМ ГОЛОДАЮЩИЙ АФРИКАНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН.

КОНЕЧНО, МНОГИЕ УЖЕ СООБРАЗИЛИ, ЧТО ТРЕБОВАТЬ ВСЕГО И СРАЗУ – АБСУРД. ОДНАКО НАПРАШИВАЕТСЯ ВОПРОС: КАКИМ ОБРАЗОМ ВООБЩЕ МОГЛИ ВОЗНИКНУТЬ СТОЛЬ НЕУМЕРЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ? И КАКОВА АЛЬТЕРНАТИВА (ЕСЛИ ОНА ЕСТЬ)? И ЕСЛИ АЛЬТЕРНАТИВА СУЩЕСТВУЕТ, ТО КАК ЕЕ ДОБИТЬСЯ? МОЖНО ЛИ ПОЛУЧИТЬ ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ У ЛУЧШИХ УМОВ ПРОШЛОГО ИЛИ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ? СОГЛАСНЫ ЛИ ЭТИ ЛУЧШИЕ УМЫ МЕЖДУ СОБОЙ? И, ЕСЛИ СОГЛАСНЫ, КАК ИХ ОБЩЕЕ МНЕНИЕ ПРИМЕНИМО К ЖИЗНИ В ХХІ ВЕКЕ?

ISBN 978-5-4295-0014-0

9 785429 500140

UNITED PRESS

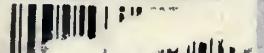
Телефон: (495) 23

alpina@imedia.ru

Книжный интернет-магазин

www.alpina.ru

интернет-магазин
OZON.г

4274326?

ПОЧЕМУ *миллионы американцев
искренне верят, будто их похищали
пришельцы?*

КАК ВЫШЛО, *что мальчикам
полагается голубой, а девочкам – розовый?*

ПОЧЕМУ *многозадачность хуже
ничегонеделания?*

С ЧЕГО МЫ ВЗЯЛИ, *что
путешествовать полезно?*

ПОЧЕМУ *в современном мире
невозможно сосредоточиться?*

ЧТО ДЕЛАТЬ, *когда влюбленность
сходит на нет?*

ОТЧЕГО *отношения колеблются, словно
погода или финансовый рынок?*

ПОЧЕМУ *нет человека, с которым было
бы легко жить вместе?*

И ЗАЧЕМ *все-таки утром вставать
с постели?*

МАЙКЛ ФОЛИ родился в Дерри (Северная Ирландия), с 1972 года живет в Лондоне и преподает информационные технологии. Он опубликовал четыре романа, четыре поэтических сборника и сборник переводов французской поэзии, удостоившийся восторженных отзывов от *Guardian* и *The New York Times*. «ВЕК АБСУРДА» – первая его книга в жанре нон-фикшн.

Michael Foley

Майкл Фоли

THE AGE OF ABSURDITY

Why Modern Life Makes
It Hard to Be Happy

ВЕК АБСУРДА

Почему
в современной жизни трудно
быть счастливым

Перевод с английского
Л. Сумм

Москва
2011

УДК 141.2
ББК 87.6
Ф75

First published in Great Britain by Simon & Schuster UK Ltd, 2010.

Фоли, М.
Ф75 Век абсурда: Почему в современной жизни трудно быть счастливым / Майкл Фоли; пер. с англ. Л. Сумм. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 268 с.

ISBN 978-5-4295-0014-0

Хорошая новость: великие мыслители разных веков и культур всегда предлагают один и тот же путь к самореализации и благородству. Плохая новость: этот путь ну никак не подходит современному человеку. Так утверждает Майкл Фоли, тщательно отфильтровавший представления о счастье из философских и религиозных учений, из художественной литературы, психологии и науки о мозге и обнаруживший, как мало эти представления применимы к эпохе завышенных ожиданий. Наш век желает вести войны без жертв, иметь государственное обеспечение без налогов, права без обязанностей, славу без усилий, секс без обязательств, беговые кроссовки без бега, дипломную работу без работы и сладкий виноград без косточек.

Сегодня даже самые обычные человеческие дела – работа, отношения с партнером, взросление – превратились в источник экзистенциального страха и ненависти к себе. Но знаете что? В своем сардническом исследовании Фоли не клеймит и не отвергает этот век, он предлагает замечательный компромисс – обрести счастье в абсурде.

УДК 141.2
ББК 87.6

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

© 2010 by Michael Foley. All rights reserved
© Перевод на русский язык, издание и оформление, ООО «Юнайтед Пресс», 2011

ISBN 978-5-4295-0014-0

Оглавление

Часть I. Проблемы

1. Абсурдность счастья	11
------------------------------	----

Часть II. Источники

2. Ad и Id	27
3. Право на притязание и гламур возможного	42
4. Старое «я» и новая наука	62
5. В поисках Грааля	79

Часть III. Стратегии

6. Размытие ответственности	93
7. Отрещение от отрещенности	111
8. Покончено с трудом и пониманием	130
9. Атрофия опыта	147
10. Утрата духовности	163

Часть IV. Последствия

11. Абсурдность работы	181
12. Абсурдность любви	203
13. Абсурдность старости	224

Часть V. Хеппи-энд

14. Счастье абсурда	245
---------------------------	-----

Благодарности	255
---------------------	-----

Примечания	256
------------------	-----

Джейн

ЧАСТЬ I

Проблемы

Абсурдность счастья

И вот подхожу я к книжным полкам, застроенным от пола до потолка, где книги еще и втиснуты горизонтально поверх забитых рядов, и думаю себе: ни единой из них я не хотел бы прочесть. Затем изучаю зубчатые башни моего собрания дисков – огромная коллекция, есть в ней и классика, и джаз, мировой рок и рок для взрослых, но как-то ничего не привлекает моего взгляда. Очевидно, стимул для настроения следует искать в другой сфере. Заглядываю в Time Out London Eating and Drinking, в самый краткий и подробный в мире путеводитель по ресторанам, где каждой из двадцати двух главных региональных и национальных кухонь отведена солидная глава, с раздражением пролистываю страницы, весь сморшившись: негде, негде со вкусом отобедать, хоть бы что-нибудь новенькое появилось. Ладно, двигаемся дальше: уж отпуск-то за рубежом – заведомо безобманное удовольствие. Черт, эти сайты пробуждают во мне лишь досаду и недоверие. Почему нигде не найти квартирки по разумной цене в старинном городе «с атмосферой», и чтобы в одну сторону было две-три минуты ходьбы до моря, в другую – столько же до крупного транспортного узла, с барбекю на крыше, с видом на живой, кипящий, колоритный местный рынок? А ведь это обязательный минимум!

Ох, ненароком наткнулся на свое отражение в зеркале – злобная горгулья, изъеденная кислотным дождем. Что стало с «ребенком цветов» образца 60-х годов? И ведь я еще не вку-

сил вполне тех сексуальных свобод и разнообразия, что обещаны были детям цветов! А до новых забав и вовсе не добрался. Разве может современный человек утверждать, будто он жил полной жизнью – да вообще жил, – если не отведал группового секса, наручников и секса с транссексуалом (до последней операции)?

Разумеется, это – безумие. Но кто в западном мире не отправлен токсичной смесью разочарования и неудовлетворенности, желаний, тревог, досады? Кому не требуется срочно стать моложе, богаче, более талантливым и уважаемым, более знаменитым, а главное – более привлекательным сексуально? Кто не чувствует, будто имеет право на большее, и не злится оттого, что никак не заполучит это большее? Вполне вероятно, что западный мужчина среднего возраста, которому ни разу в жизни не сделали минет, ощущает несправедливость мироустройства куда острее, чем голодающий африканский крестьянин.

Конечно, многие уже сообразили, что требовать всего и сразу – абсурд. Однако напрашивается вопрос: каким образом вообще могли возникнуть столь неумеренные ожидания? И какова альтернатива (если она есть)? И если альтернатива существует, то как ее добиться? Можно ли получить полезные советы у лучших умов прошлого или нынешнего времени? Согласны ли эти лучшие умы между собой? И, если согласны, как их общее мнение применимо к жизни в XXI веке? Вот какие вопросы ставит эта книга – на простые ответы не рассчитывайте.

Нелегко даже определить задачу. Казалось бы, альтернатива безумной неудовлетворенности – разумная удовлетворенность, т. е. счастье. Но и тут нас поджидают проблемы. Многие, и я в том числе, не могут позволить себе даже произнести это слово, слишком уж мы наслушались и сектантских, и психологических проповедей, и только скажешь «счастье», как перед мысленным взором замелькают блаженные улыбки, бубны, оранжевые одеяния и футболки с надписью «Ныне – первый день конца твоей жизни». (Поэт Дерек Мэхон запихал этот лозунг в песенку, цинически срифмовав: «Скажи это своей печени, скажи это своей грызме»¹.) Мы слишком умны, слишком

изощрены, слишком ироничны и опытны, мы слишком пост-все-на-свете, чтобы цепляться за устаревшие понятия вроде счастья. При этом слове презрительная усмешка появится на лице каждого современника – философа, писателя, поэта и водителя такси, хотя в глубине души любой не отказался бы от подобного переживания. Мы все твердим, что жизнь прогнила и воняет, но чувствовать себя дерьмом никому не охота.

Другие варианты еще менее привлекательны. Академическое сообщество предложило нам «субъективное благополучие» и даже внушительную аббревиатуру SWB (*subjective well-being*), но это лишь пустой и бездушный научный термин. Популисты сравнительно недавно изобрели *Wellness* – что это? Никому не известный курорт на прохладном английском побережье? Каменистый берег, но в целом вполне симпатично?

Нет, никуда нам не деться от старого, смущающего нас понятия «счастье». Мало того что неловко пользоваться этим словом, мы еще и определить-то его толком не можем. Оксфордский словарь английского языка бессовестно предлагает неверную формулу, опровергнутую два с половиной тысячелетия тому назад Сократом: «благая судьба или везение, процветание, успех». Попытки более тщательно определить этот термин растворяются в бесконечных уточнениях и оговорках. Расположенное в Гималаях буддистское королевство Бутан создало специальную Комиссию по оценке валового национального счастья, и одной из основных задач этой комиссии как раз и было определить, что же такое она собирается изучать и укреплять. На данный момент бутганцы насчитали четыре столпа, девять сфер и семьдесят два показателя счастья, но, признаться, эта страна покуда не более других преуспела в борьбе с прискорбными современными тенденциями. Как мрачно сообщил представитель комиссии: «В прошлом веке на вопрос, кто твой идеал, подростки называли короля, а теперь – рэпера 50 Cent!»²

Отыскать путные свидетельства о переживании счастья столь же трудно, как и убедительную теорию. В отличие от своей противоположности – депрессии – счастье не поддается описанию. Горести – самый обычный сюжет мемуаров, но

воспоминания о счастливой поре не оформляются в литературный жанр (более того, для писателя безоблачное детство скорее помеха в карьере). Похоже, единственный источник вдохновения – муки и страдания.

Возможно, люди не готовы размышлять о счастье еще и потому, что любая попытка зафиксировать это состояние и дать ему определение как раз и уничтожает счастье. Возможно, человеку не дано быть осознанно счастливым или же он способен осознать счастье только задним числом, когда его утратит. Первым эту точку зрения сформулировал Жан-Жак Руссо: «Блаженная жизнь золотого века никогда не принадлежала роду человеческому, потому что люди не замечали своего счаствия, пока могли насладиться им, и успевали утратить его к тому времени, когда могли бы его познать»³. Иными словами, либо счастье у тебя есть, и тогда ты его не замечаешь, либо ты начал его осознавать, но тут-то его и лишился.

Возникает очередное противоречие: счастье обычно рассматривается как протяженное и даже вечное состояние, а его, оказывается, можно достичь лишь изредка и ненадолго. Философ Ханна Арендт рассматривала человеческое существование как непрерывный цикл, в котором периоды упадка сменяются обновлением, так что путь наверх возможен лишь после того, как достигнуто дно, а попытка закрепиться наверху обречена на провал. «Вне предписанного природного круговорота, в котором истощается и воспроизводится тело, когда за тяготами труда следует наслаждение, а за утомлением сладость покоя, нет никакого стойкого счастья, и все, чем это круговое движение бывает выведено из равновесия, – тиски нищеты, когда на место отдохновения приходит беда и истощение становятся длительным состоянием, или нужда богатства, когда тело уже не знает усилия и потому на место отдохновения приходит голая скука... уничтожает стихийное чувственное блаженство, составляющее благословение живого существования»⁴.

Далее это загадочное счастье оказывается не конкретной точкой на карте психологических состояний, но довольно широким спектром – от удовлетворения (нижний предел) до восторга (верхняя планка).

А может быть, счастье – это вовсе и не состояние, а процесс, непрерывное устремление и достижение. Аристотель называл счастье особым видом деятельности; Марк Аврелий с присущей римлянам приземленностью сравнивал счастье с кулачным боем. Или же два в одном: и состояние, и процесс? Древнегреческий термин *eudaimonia* допускает оба толкования, приблизительно его можно понимать как « процветание ». Кстати, заманчивая идея: быть счастливым – значит процветать . (А исследования счастья давайте назовем эвдаймоникой – ничто так не способствует престижу интеллектуального труда, как заковыристый греческий термин в заголовке.)

Какие еще имеются противоречивые мнения? Кое-кто полагает, что существует лишь один вид счастья, и тот – для немногих избранных. Но уж очень мы, люди, разные, так что я скорее поверю, что любые два счастливца переживают существенно различный опыт. Думается, на белом свете найдется столько же разновидностей счастья, сколько форм депрессии.

И как же, как же нам достичь этого недостижимого и неопределимого? В Декларации независимости Соединенных Штатов прозвучала знаменитая фраза о «стремлении к счастью». Теперь нам говорят, что стремиться к счастью бесмысленно, дескать, оно – побочный продукт иных занятий и устремлений. Кажется, впервые эта мысль посетила Джона Милля, философа XIX века. «Те люди только счастливы... которые ставят себе целью *в жизни какой-либо другой предмет*, а не свое собственное счастье... <...> Таким образом, стремясь к чему-либо иному, они находили свое счастье, так сказать, на пути. <...> Единственная возможность достигнуть счастья заключается в том, чтобы считать не счастье, а что-либо другое целью в жизни»⁵.

Отсюда возникает очередной вопрос: а какую же тогда внешнюю цель нам искать, что послужит нам «другим предметом»? Хорошая жизнь? Добродетель? Мудрость? Попробуйте определить эти понятия – выйдет (вернее, не выйдет) то же самое, что и с ускользающим счастьем. В том-то и беда: любые размышления о счастье быстро заводят в безграничное пространство споров, причем эти взаимопротиворечия

литературные и философские традиции уходят на столетия в прошлое. Ханна Арендт утверждает, что акт добродетели по определению не предназначается для зрителей. Вот вам: благо незримо и счастье немо!

Да и с достижением блага и добродетели проблем не меньше. Если из кожи вон лезть, чтобы стать хорошим, скорее всего, хорошим как раз и не станешь. Так обстоит дело почти со всеми желанными приобретениями – например, с оригинальностью. Нельзя сделаться оригинальным, тужась быть оригинальным, – в искусстве ты в лучшем случае прослышишь авангардистом, да и они уже в арьергарде. Оригинальность порождается мощным и властным порывом, который сметает привычные условности и порождает нечто новое – не с заранее обдуманным намерением, а опять-таки легко, случайно. Мудрость и авторитет тоже возникают «попутно», в лоб их не возьмешь. Полагаю, это же относится к юмору и любви. Уж не создал ли я невзначай «общую теорию желаемого»?

Гоняться можно разве что за суррогатами счастья – за успехом, славой, богатством, забавами и удовольствиями. Думаю, существует возможность впрямую достичь низшего уровня счастья – удовлетворенности. Гюстав Флобер утверждал: «Нет, я не верю в возможность счастья, разве только – покоя»⁶, хотя на мой вкус эти слова звучат безнадежно пораженчески. Будучи литератором, а не философом, Гюстав Флобер мог позволить себе некоторую непоследовательность мысли и приоткрыл узенькую щелочку для иных возможностей: «Для счастья необходимы три условия: глупость, эгоизм и хорошее здоровье, но при отсутствии глупости остальные два бесполезны»⁷.

Это я еще цитирую Флобера в его хорошую пору. Постепенно он, как многие до него, дрейфовал в сторону манихейства, древней и современной религии, воспринимающей людей как падших созданий, для которых заведомо невозможно счастье.

Существует также мнение, согласно которому поиски счастья и есть основная причина отсутствия искомого. Вечная гонка оборачивается неизбежным поражением. Иммануил Кант не оставляет нам сомнений на этот счет: «На самом деле

мы и находим, что, чем больше просвещенный разум предается мысли о наслаждении жизнью и счастьем, тем дальше человек от истинной удовлетворенности»⁸.

Парадокс – даже абсурдность – счастья заключается в том, что это понятие трудно обсуждать, бессмысленно рассматривать, оно не поддается измерению или определению, с большой вероятностью счастье вовсе недостижимо, а если достижимо, то лишь изредка и то при условии, что мы не пытаемся его фиксировать и осознавать; кто гоняется за счастьем, тот его не получит, а кто гонится за чем-то другим, может случайно нарваться на счастье. Издевательство какое-то!

Сколько философов, начиная с Сократа, ломали себе голову над этой загадкой, а ответа все нет и не похоже, что будет. Вопросы, вопросы, и вместо ответов все новые вопросы. Ломаешь себе голову, а в награду получаешь только смущение и разочарование или, того хуже, какой-нибудь триivialнейший совет: поменьше смотри телевизор и побольше улыбайся прохожим. А не лучше ли наплевать на все эти изыскания да залечь на диванчик с пультом в одной руке и бутылочкой пива в другой?

И все же у каждого из нас есть серьезные побудительные причины разобраться с этой проблемой и выработать собственную жизненную стратегию, ибо каждый, кто не потрудится над собственной теорией, вынужден будет пользоваться чужой. Ницше предупреждал: «Тому повелевают, кто не может повиноваться самому себе»⁹. Хуже того: повелевать таким несамостоятельный субъектом будет какой-нибудь заурядный его современник, который предложит ему в качестве панацеи жидкую смесь неубедительных современных же советов и бесполезных предостережений. Нечто подобное мы видим и в художественной литературе: многие начинающие поэты и прозаики читают лишь своих сверстников, а порой даже ими пренебрегают, оправдывая свою лень потребностью в творческой свободе, необходимости оградить себя от внешних влияний. Но все усилия избежать какого-то конкретного влияния заканчиваются невольной капитуляцией перед худшим видом влияния, которого никто не избегнет: перед натиском популярного вкуса.

Разумеется, встречается изредка феномен удачливого дикаря, необработанный талант, интуитивно, от природы приспособленный к требованиям своего века. Именно потому, что ему не мешают повышенная чувствительность или угрызения совести, он легко достигает успеха и наслаждается славой и соблазнами – с бою берет дворцы и серали, очаровывая и царедворцев, и слуг. Когда-то напористый авантюрист становился воином, ныне это продюсер и предприниматель. Капиталистический мир культивирует в человеке самонадеянность, внушая, будто каждый способен заработать миллионы, хотя, по правде-то говоря, места на самом верху пирамиды хватает для очень немногих и эти немногие – те, кому достанет отваги и наглости притязать на подобное место.

Еще один, с виду приятный и безвредный способ почувствовать себя счастливым – жить своими фантазиями, блаженными иллюзиями. Что тут, казалось бы, плохого? Да вот беда: реальная жизнь так и норовит разбить наши иллюзии, а насильственное расставание с выпестованной фантазией дается человеку намного болезненнее, чем сознательный отказ от нее или умение вовремя пресечь мечты и не тешиться ими сверх должного. Ведь чтобы иллюзия оказалась неуязвимой для реальности, она должна полностью эту реальность подменить. Нужно очень крепко верить, что ты *и есть* Наполеон. Так что мы вновь упираемся в проблему разграничения мира и личности – и их взаимодействия.

Природа не терпит пустоты – в особенности в наших головах. Пониманием того, каким образом заполоняется и колонизируется человеческий разум, мы обязаны Карлу Марксу и Зигмунду Фрейду, мыслителям, которых поднял на щит XX век и норовит сбросить с пьедестала и втоптать в грязь век XXI. Но вопреки превозносителям и ниспровергателям основные идеи этих титанов сохраняют ценность даже для нашего времени: Маркс показал, в какой мере наши индивидуальные и с виду независимые мысли обусловлены обществом; Фрейд объяснил, сколь существенную роль играет подсознание. Выходит, мы подвергаемся жестокому, беспощадному давлению как изнутри, так и снаружи, – а результатом может стать полное отсутствие независимой мысли.

Пожалуй, нет у нас шанса вполне или хотя бы отчасти избежать обоих влияний. Жить в мире, но оставаться свободным от его предрассудков – недостижимый идеал. Мы живем в определенную эпоху, и эта эпоха живет в нас. Подобно человеку, историческая эпоха тоже отличается нарциссизмом: каждый век верит в свое недосягаемое превосходство и требует, чтобы его любили превыше всех остальных. И мы, как правило, идем навстречу требованиям века, мы восхваляем свой век и свою страну – они лучше всех, ведь они породили не кого-нибудь, а *нас!*

Нынешний век успешней прочих добивается от своих обитателей вассальной присяги на верность, ибо он сумел внушить нам иллюзию, будто самореализация не только возможна, но даже *легка и неизбежна*. Регулярные экономические кризисы могли бы и подорвать такую уверенность, однако с иллюзией соглашаются расстаться лишь немногие, и те ненадолго и не во всем. Механизмы нашей системы порой подвергаются сомнению и даже осуждению, однако неколебимой остается главная идея: личная свобода ничем не ограничена, выбор неисчерпаем, каждый может стать кем только пожелает и заполучить все, чего захочет, причем не требуется особых физических или умственных усилий. Захоти – и станешь, пожелай – и обретешь! Такова благая весть, сообщаемая исподволь рекламой и вполне открыто – популярной психологией. Идеал нашего века – «жизнерадостная личность», символом которой стал смайлик, а мантрой – пожелание «доброго дня». Но с какой стати человеку притворяться самим собой? Если есть необходимость в притворстве, значит, на самом деле мы не такие. И вот уже наш улыбчивый, жизнерадостный век накачивает себя антидепрессантами, чтобы денежки и впрямь показался славным. Герой нашего времени – депрессивный пациент с застывшей на лице «солнечной улыбкой». Салли Бремптон, автор недавно вышедшей книги воспоминаний о депрессии, пишет о себе и другой такой же страдалице: «Мы обе понимали, что можем улыбаться и весело болтать, обдумывая в то же время про себя, как совершить самоубийство»¹⁰. Теперь те, кто заплыл слишком далеко, машут нам – и одновременно тонут. Если все дружно предъявляют миру жизнерадостность,

выглядит это так, словно и впрямь наступило всеобщее, обязательное, автоматическое счастье, и человек, склонный к депрессии, не понимает, отчего же он не такой, как другие: окружающие его улычивые лица кажутся до жестокости чужими, он одинок и отрезан от мира, и сам не замечает такую же точно бессмысленную улыбку у себя на губах.

«Все так себя ведут» – одно из проявлений нового феномена современного мира, того, который Эрих Фромм окрестил анонимной властью¹¹. Мы не можем проследить источник этого давления, осмыслить ее сущность, а потому не можем и толком сопротивляться ей. Подобно дьяволу, анонимная власть, незримое влияние, для пользы дела прикидывается, что ее и нет вовсе – тем вернее мы попадаем в ее сети.

Анонимная власть становится все более анонимной, т. е. все более изощренной и неотразимой. В западном обществе давно уже никто никого не подавляет в открытую, уничтожены почти все старые табу. На центральном канале в лучшее вечернее время достойная, немолодая и серьезная с виду женщина, врач, усаживается в кружок таких же серьезных и прилежных юных дам и предъявляет им какую-то анатомическую модель. Семинар для акушерок? Куда там – мастер-класс по минуту, «ми», как с веселой фамильярностью называют этот сексуальный прием и наставница, и ученицы. «У меня всякий раз челюсть ноет», – с милой непосредственностью жалуется одна из девушек, и врач бодро напоминает ей, что основную работу должна брать на себя правая рука – практическая демонстрация на модели, – а левой тем временем надо умело приласкать яички, о которых нерадивые исполнительницы акта склонны забывать. «Я называю их пасынками, – шутит докторша, – им так мало уделяют внимания».

С официальными авторитетами покончено, президенты и премьер-министры болтают о своих собачках и кошечках и болеют в ток-шоу и чат-румах за любимые команды; религиозные вожди то бьют в бубны, то прыгают с парашютом, собирая таким, уже утратившим оригинальность способом пожертвования на благотворительность. («В небесах с парашютом – архиепископ совершил прыжок веры».) Директора

компаний самолично предлагают корпоративной газете свои фотки с рождественской вечеринки: штаны спущены, задница намазана мягким сыром. Проблемы закончились, никого ни к чему не принуждают, все нынче славно и классно. Господа Бога отправили к психологу – пусть научится справляться с гневом. Сойдет все что угодно – только не вздумайте нарушать права женщин, представителей других рас, религий и сексуальных ориентаций, мучить животных и портить окружающую среду.

Самый хитроумный трюк анонимной власти – выдать свои рекомендации за нечто самоочевидное. С очевидностью неспоришь, только сумасшедший попытался бы что-то ей противопоставить. И это, кстати, тоже самоочевидно. Мы живем ныне как нельзя более правильно – мы повинуемся естественному закону, а если будем сопротивляться, прослычем ненормальными.

Хуже того: вполне вероятно, что оппозиционер *и в самом деле* безумен. Эта страшная мысль пришла мне в голову много лет тому назад, когда я смотрел фильм по автобиографии Фрэнка Серпико: честолюбивый нью-йоркский полицейский довольно быстро сделал карьеру и стал детективом, но тут же убедился, что все его коллеги коррумпированы. Они получали взятки и делили их между собой так хладнокровно, как будто заправляли кофейней, причем это были вовсе не какие-нибудь мерзавцы, а самые обычные, дружелюбные парни, они охотно приняли бы в свою компанию и Фрэнка. А он отказался войти в долю, он пошел против всех – он выглядел безумцем. Но – в этом вся загвоздка и потому-то я не мог устоять перед фильмом – Фрэнк *и вправду был нездоров*. Его личная жизнь разваливалась на куски, он мог подцепить симпатичную девчонку, но подружки вскоре бросали его, давние друзья и те признавали, что Фрэнк невыносим.

Выходит, чтобы сохранить верность принципам, требуется безумие. Вспомним исторически известных бунтарей и оппозиционеров. Безумцем был даже Христос.

Но кто захочет оставаться безумцем в нынешнем веке – таком расслабленном, клевом, классном, где все друзья, и босс тоже – один из свойских парней?

И не забудем о давлении изнутри, о подсознании или как его там, о черной дыре подавленных желаний и агрессии, о коварном умении этого «нижнего я» подчинять «высшее я» своей воле, прикрывать свои бесстыдные требования пристойными и даже интеллигентными мотивами. Я вот смеюсь над телевидением, а самому хотелось бы выступить перед всей страной на ток-шоу и объяснить, почему мне так надоели ток-шоу. Я пытаюсь не обращать внимания на чужие мнения, но каждым своим словом тщусь произвести впечатление на читателя (и довольно тщательно продумываю эффект от этих слов). Заветная мечта: пусть мной восхищаются за то, что я вовсе не нуждаюсь ни в чьем восхищении!

Грозные у нас враги и внутри, и снаружи; оба они хитры и беспощадны, часто меняют маски, чтобы предстать перед нами невинными и вполне приемлемыми. Победить мы не сможем ни того, ни другого, не будем себя обманывать: чтобы сдерживать их, и то требуется постоянная бдительность. Мыслители прошлого оставили нам образцы такой бдительности, так что по крайней мере нам есть с кого брать пример. В прошлом веке философы в большинстве своем перестали рассуждать о счастье, сочтя его неинтересным и, хуже того, немодным (в ту пору мысль, как светская красавица на коктейль, рядилась в черное), однако сравнительно недавно проблемой счастья занялись другие специалисты – психологи и нейробиологи, и тут нас поджидали глубокие прозрения и неожиданные открытия.

Итак, в этой книге я собираюсь отфильтровать общие представления о счастье из философских и религиозных учений, из художественной литературы, психологии и нейронаук, рассмотреть, насколько эти идеи применимы к современной жизни и как они соотносятся с основными сферами человеческого бытия. У большинства из нас существенную часть времени и мыслей занимает работа, почти каждому хотелось бы выстроить насыщенные отношения с постоянным партнером и, как бы ни продвинулась пластическая хирургия, всем нам приходится мириться с неизбежным приходом старости. «Отлично можно жить на свете, коли умеешь трудиться и любить,

трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься»¹², – уверял Лев Николаевич Толстой. Он мог бы добавить, что и состариться можно если не «отлично», то хотя бы не томясь досадой и не чувствуя себя отработанным материалом.

Заранее признаюсь, что из всех своих источников я не сумею извлечь готовый набор инструкций для счастья. Тут как в писательстве: единственная инструкция – обходиться без инструкций. Любой человек и любая индивидуальная ситуация чересчур сложны для общих предписаний. Кстати говоря, требование универсальных рецептов – еще одна примета нашего времени. Наш нетерпеливый и алчный век жаждет простых и коротких алгоритмов.

Но есть и другая, столь же верная банальность: определить проблему – значит наполовину решить ее. Попытка разобраться в трудностях может стать одним из окольных путей к этому неуловимому чуду – счастью, и этот путь может привести к неожиданным и чудесным открытиям, что только упрочит блаженство. В этом счастье сходно с депрессией: оно порождает само себя, оно загоняет нас все глубже (или все выше), на новый круг. Нисходящая спираль депрессии, восходящая спираль счастья. Чем сильнее депрессия, тем слабее воля, тем глубже депрессия – чем сильнее счастье, тем крепче воля, тем выше воспаряет... и т. д. Главный дар счастья, быть может, заключается как раз не в приятных ощущениях, но в приливе сил, в осознании неисчерпаемых возможностей. Словно заново на свет рождаешься, и свет этот полон волшебства. Все кажется таким необычным, интересным, заманчивым. Глаз видит яснее, отчетливее соображает ум и чаще бьется сердце – и все это вместе мы именуем восторгом, энтузиазмом, надеждой.

ЧАСТЬ II

Источники

Ad и Id

Страна чудес, не знающая холодного ветра и промозглого дождя, часов, бродяг, закрытых дверей, мусора, граффити, воюющих помоек, опасных и темных переулков; страна, где погода отличается приятным постоянством и всегда светло, но свет не режет глаз, где сладостная свирель Пана звучит в лад с журчанием фонтанов на перекрестках широких аллей и по обеим сторонам улицы витрины манят моднейшими нарядами и обувью, бельем, лосьонами, духами и притираниями, сладостями, игрушками, мобильными телефонами, играми, телевизорами, цветами, музыкальными проигрывателями, ювелирными украшениями, спортивным оборудованием, цифровыми фотографиями, внутри которых ежесекундно меняется яркое изображение. Уходят в бесконечность параллельные ряды полок в магазине «У. Г. Смит» (WH Smith), а на них – толстые глянцевые журналы о различных хобби, с бесплатными приложениями и каталогами, с подарочными ваучерами, солнечными очками, музыкальными и видеодисками, образцами духов. В магазине открыток найдутся остроумные послания на все случаи жизни – от рождения ребенка до выхода на пенсию («Наш коллега, покидающий дружный коллектив, отныне имя тебе – пенсионер»). Диснейленд! Сказочные существа всех цветов, форм и размеров, но с одинаковыми широко распахнутыми глазами и невинными улыбками. Мастерская «Собери медведя» (Build-A-Bear) приглашает создать собственного плюшевого любимца («Лапа-лапочка пушистая!»). На веранде кафе-сэндвичной «Ля Жратва» (Le Munch Bunch) можно по сниженным ценам («акция!») отведать

бутербродов, пирожных и прохладительных напитков. На десерт «Джо Делуччи» (Joe Delucci) рекомендует шоколадное и сливочное мороженое с сиропом, мягкую тягучую пастилу и карамель, которую можно сосать и грызть. Место перед будкой «Пой-звезда» (SingStar) занял юнец в летнем шлеме образца Второй мировой войны: на парне несколько флисовых толстовок (он в них как в капусте) и просторные джинсы с мотней, которая болтается на уровне колен, он держит в левой руке три пакета с покупками, а в правой – микрофон, да еще ухитряется энергично отплясывать, распевая под клип «Начинай тусить» (Get This Party Started). За его спиной переминаются в ожидании своей очереди беспокойные подростки в надвинутых на лоб кашюонах, взор им застит манекен молодой женщины двух с половиной метров росту в дверях салона красоты «Чувственность» (Essensuals) – в бюстгальтере и трусиках, в черных чулках на подвязках и туфлях на шпильках – она шаловливо надула губки. А вот и настоящая принцесса капризов – главный мастер по маникюру из салона «Калифорнийские ногти» (California Nails) – золотые волосы после натурального окрашивания («Портал причесок» – Hairport), золотая кожа после вертикального турбосолярия «Не мешай своему загару» (Stand By Your Tan) – она проходит мимо «Хижины солнечных очков» (Sunglass Hut) и деревянного коня, с которого гирляндами свисают тучные карапузы, но напрасны ассоциации с Троянским конем, никто не затаился внутри, весь он честно деревянный. Постучите – ответа не будет.

Торговый центр обустроен таким образом, что нельзя не пожелать чего-то, не пожелать почти всего, что увидишь, – или ты распоследний скупердяй? В этой сказочной стране мы укрыты от мелких, отвлекающих внимание неприятностей, от дурной погоды и напоминающих о нашей кратковечности часов. Если торговые ряды располагаются в многоэтажном здании, в центре обустраивают пронизывающий все этажи воздушный атриум – возникает впечатление чего-то выходящего за пределы повседневности, чуда. Архитекторы, от строителей готических соборов и до создателей современных магазинов и офисов, хорошо знают, что избыток пространства, особенно над головой, пробуждает во человеках благоговение. Высокий

свод – напоминание о Боге. Добавим музыку – успокаивающую или волнующую, разнообразную, как мелодии органа. А от присутствия многих единоверцев каждый прихожанин укрепляется в собственной вере. Ничто так не убеждает нас в правильности нашего поведения, как мысль, что это делают все – в данном случае все заняты покупками. Принадлежность к многочисленной пастве подбадривает, а вместе с тем приятно, что со всеми этими людьми нам вовсе не обязательно общаться, мы пришли сюда отнюдь не ради них, как в церковь мы ходим не ради других людей. Тут есть свои иконы в каждой витрине, они сулят нам сексуальную привлекательность, самоуважение и повышение статуса. Материальные блага производят впечатление, схожее с религиозным чувством: сканирование мозга показало, что созерцание раскрученных брендов вызывает ту же реакцию, что и святые образы. Неприятно, кощунственно, однако правда: мы почтаем iPod словно мать Терезу¹³. Витрины, где блещут эти приманки, поднимаются от пола до потолка, и за их прозрачным стеклом распахивается свободное, без дверей и стен, ярко освещенное пространство, так что покупателю не помешает войти инстинктивный страх оказаться в незнакомом замкнутом помещении. А внутри уже поджидают молодые, миловидные продавцы и продавщицы, их приветливые взгляды и улыбки пробуждают в потенциальном клиенте иллюзию собственной молодости и красоты. Громкая музыка – словно попал в бар или в клуб, где может возникнуть взаимная симпатия, но нет жесткой конкуренции, как в баре или клубе, – здесь заведомо не ответят отказом. Тратить деньги – самый доступный оргазм. Просто открои кошелек и сверкни банковской картой.

Отличная парочка – бессознательное, которое Фрейд имеет в виду Id, и реклама, которую мы вправе обозначить как Ad. Ad всячески обхаживает Id, льстит, охорашивается, заманивает:

Ad. Ты только глянь, как этот купол вздымается к небесам!

Id. С-ума-сойти!

Ad. А эти выгодные цены!

I d. Хочу-хочу-хочу!
A d. И все это – для тебя.

I d. Для меня!!!
A d. Ведь ты – единственный (-ая) и неповторимый (-ая).
I d. Свет! Камеры! Смотрите только на меня!
A d. Зачем тебе думать о других? Оставайся ребенком до последнего вздоха!
I d (*поморщившись*). То есть не до последнего вздоха, *а навсегда*!

A d. Ну да, ну да! Ребенком навечно.
I d. УРА-А-А-А-А-А-А!
A d. И пусть не скучеют твои желания и не слабеет твой аппетит.
I d. Еще-еще-еще!

Ad удовлетворенно усмехается. Реклама господствует в нашем мире: согласно статистике, средний американец проглатывает до трех тысяч рекламных объявлений в день¹⁴. Реклама никого не оставляет вне поля внимания, она, как иезуиты, понимает, что овладевать умами людей надо тогда, когда эти умы еще незрелы – и они будут принадлежать тебе навеки. Реклама уже покорила детей и, не сомневаюсь, ищет способы проникнуть в материнские утробы. Проникнет – куда она только не проникает. Думаешь, что включил документальный фильм, ах это реклама. Новости? Тоже реклама. Центральный лондонский стадион? Рекламная площадка, на которой богатая нефтью ближневосточная страна продвигает свой бренд.

Заглянешь в туалет кинотеатра и, слегка запрокинув голову, увидишь писсуар на потолке – красный пластиковый писсуар с лозунгом: «Скоро на экранах... Человек-паук-3!» На потолок уже смотреть небезопасно, однако небо, конечно же, свободно... А что там за маленький самолетик? Кто-то вырвался на свободу, летит в необозримой высоте? Да нет, тащит за собой рекламный баннер. Природа – последнее убежище. Некая предприимчивая голландская компания, владеющая сетью отелей, размещает рекламу на боках у живых овец. Прежде

нам пускали пыль в глаза, теперь, глядишь, и в пыли начертано что-то, предназначенное для наших доверчивых глаз.

Вкрадчиво-агрессивна современная реклама, но собственная терминология выдает ее: «целевая аудитория», «паразитический маркетинг», «партизанский маркетинг», «вирусный маркетинг». Это реклама или биологическое оружие? Сильнее и беззастенчивее всех нейромаркетинг, который применяет новейшие достижения нейронауки, чтобы проникнуть в мозг покупателя, обнаружить и обойти защитные механизмы.

А еще современная реклама небывало увлекательна. Как-то у нас с дочкой приключился жаркий спор из-за моей привычки приглушать звук телевизора на время рекламы. Ребенок запротестовал, и я выдал нотацию: мол, реклама побуждает нас хотеть того, в чем мы вовсе не нуждаемся. Дочь гневно возразила: разумеется, она все понимает и ее иммунитету реклама не страшна, однако ей нужно все слышать, потому что ее друзья обсуждают рекламу точно так же, как любое развлекательное шоу. Только безумец стал бы лишать ее этого.

Но рекламе уже недостаточно сравняться с развлекательными программами, ей нужно еще и проникнуть в кинофильмы, в другие передачи с помощью продакт-плейсмента, он же скрытая реклама: похоже, теперь уже не сюжетом определяется, какой реквизит будет использован, а сам сюжет и вертится вокруг реквизита. Исследования подтвердили, что скрытая реклама эффективнее прямой: если мозг воспринимает бренд как часть увлекательной истории, защитные механизмы выключаются¹⁵. Контентный маркетинг – логический итог такого подхода: развлекательные программы и мероприятия создаются отныне с единственной целью – для внедрения рекламы.

Современная реклама не будет смиленно дожидаться, пока вы ее заметите. Вам уже не приходится декодировать объявление, оно само декодирует вас. Новейшие цифровые билборды оснащены скрытыми камерами и компьютерной программой, которая распознает, кто именно смотрит в данный момент на баннер, и подстраивается под клиента: перед молодым человеком замерцает красотка, протягивающая ему пенную кружку пива, а женщине средних лет предложат понежиться в космети-

ческом салоне с полным набором оздоровительных процедур. Со временем, полагаю, билборды научатся подстраиваться под конкретного человека: так и вижу, как меня соблазняют чудесным предложением «два в одном»: томик китайской поэзии и диск джаз-бибопа (предпочитаю хард). Придется, наверное, маскироваться, может, даже наряжаться женщиной – только бы обмануть всеведущую Рекламу.

Потребность обмануть рекламу – проявление еще одной современной тенденции, «культурного глушения», саботажа сложившейся культуры потребления. Движение сопротивления координируется сайтами вроде The BADvertising Institute («Институт ухудшения рекламы») и канадского журнала Adbusters («Разрушители рекламы»), которые публикуют антиконсьюмеристские статьи и пародийные объявления («Водка “Абсолют”. Абсолютная чушь!»). Проводятся акции – «День без покупок», «Неделя без телевизора». В Великобритании организация Modern Toss («Современные отбросы») устраивает антихеппенинги и продает футболки, сумки, постеры и чаши с отрезвляющими предостережениями: «Покупайте больше дермы, а то нам всем хана».

Все это забавно и весело, но так мир не изменишь. Чем бороться с рекламой, благоразумней взяться за дело с другого конца и попытаться обуздать свое Id. Это, конечно, тоже непросто. Современное Id, так сказать, встало на дыбы – по-пробуй, приведи его в чувство. Никогда еще столько людей не хотели столь многоного и столь неудержимо. Никогда еще Id так не листили и не повторствовали. Наступил золотой век Id.

Было время, когда Id оставалось в загоне. Платон называл его дурным конем, который мешает и своему товарищу в упряжке, и вознице: «...друг наглости и похвалибы, от косм вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрекалам»¹⁶. Марк Аврелий писал: «...все, руководящее тобою, таится внутри тебя самого»¹⁷. Буддистов интересовала проекция этого внутреннего вовне – Мара; христиане отождествляли Id с сатаной. Суфии рассуждали об «ал-нафс ал-амара», о злобной и низменной части души, которой «только бы спать, есть и услаждаться»¹⁸. Средневековая Европа рассказывала о тупых

и жестоких людоедах (вспомним «Джека и бобовый стебель» и прочие сказки); Артур Шопенгауэр придумал «волю к жизни», Ницше опять заговорил о «человеке» (который не «сверхчеловек»), Кафка представлял себе Id в виде темной фигуры, выскочившей на палубу и вырывающей руль у кормчего. Наш век подобрал материалистическое объяснение – как выяснилось, в нашем новом и прекрасном мозге дремлет ативистический мозг рептилии. Имена меняются, но по сути своей Id – и тут все единодушны – остается жестоким и жадным, импульсивным, коварным и ненасытным. Как ты его ни ублажай, ему все мало.

За два с половиной тысячелетия до Фрейда Будда понял, что главной проблемой человека являются бессознательные желания. Сложилась выразительная легенда о том, как Будда спорил с Марой, персонификацией Id: тысячерукая Мара явилась верхом на слоне, потрясая всевозможным оружием, а увидев, что этим Будду не испугаешь, призвала девять разрушительных бурь, от которых и боги бежали в страхе. Будда остался один, но продолжал сидеть неподвижно, не сдаваясь, и Мара поневоле вступила с ним в переговоры: «Сойди с трона, который принадлежит не тебе, а мне!»¹⁹ Будда ответил подробным разбором премерзкой сущности Мары и логическим выводом: не ей, а ему подобает сидеть на престоле.

Это кажется инсценировкой прославленной максимы Фрейда: «Там, где было Оно, должно стать Я»²⁰. «Я», это, свергает Id и занимает его место. Главная победа, к которой должен стремиться человек, – победа над собственным подсознанием.

Будда считал источником всех наших бед невежество: оно поощряет привязанности, и те перерастают в страсти и влечения, что приводит к тревоге и неудовлетворенности. А раз проблема заключается в невежестве, знание будет верным ответом. Итак, мысль освобождает. Понимание и есть спасение.

Прежде всего от человека требуется нелегкий труд самоизнания. Задолго до Христа Будда заметил, сколь зорки мы к чужим недостаткам и сколь слепы – к своим собственным. И Будда в своих наставлениях точней, ибо он принимает во внимание неисчерпаемые ресурсы самооправдания: «Легко

увидеть грехи других, свои же, напротив, увидеть трудно. Ибо чужие грехи рассеивают, как шелуху; свои же, напротив, скрывают, как искусный шулер несчастливую кость»²¹.

К проблеме невежества можно подойти рационально, однако Будда настаивает на более глубоком и полном понимании, которое достигается только путем медитации. Медитация – не убаюкивающий транс с тяжелеющими веками, хотя именно такое впечатление обычно создают изображения Будды, но интенсивная умственная деятельность, именуемая внимательностью, бодрствованием и бдительностью. Этим понятиям в «Дхаммападе», в собрании приписываемых Будде изречений, особо уделено несколько глав: «Тот, кто бдителен, не умирает. Тот, кто нерадив, уподобляется мертвому»*. Цель медитации – не покой и безразличие, но бодрствование духа и ясное осознание, чуткое понимание своей задачи. Освобожденный ум буддисты сравнивали с извлеченным из ножен мечом.

Из практики медитации в буддизме развивается теория сознания, весьма напоминающая концепции современных наук о мозге. Сознание не обладает постоянным содержанием или направленностью, а представляет собой бесконечную игру света и тени, восприятий, фантазий, иллюзий, ассоциаций и воспоминаний. Мысль, говорит Будда, «трепещущая, дрожащая… легкоуязвимая и с трудом сдерживаемая»**, желание – это каприз, и человек «мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищащая плод»***. Поэтому представление о целостном «я» – иллюзия: «Нет никакого неизменного Я-единства. Подчинившееся изменению не является моим, это – не Я, это – не моя самость». Признание бесконечной изменчивости – еще одно открытие Будды. Все течет, все переходит одно в другое: «Все пылает. Пылает глаз, видимые вещи»²².

* Рерих Е. И. Основы буддизма / Н. Рокотова (псевд.). Рига: Улан-Батор; М.: Сиринь садхана, 2002. – 3д. и далее прим. ред.

** Дхаммапада / пер. В. Н. Топорова. М.: Изд-во восточн.лит., 1960. III, 33.

*** Там же. XXIV, 334.

В результате мы как бы и не вправе говорить о постоянном «я», которое мы могли бы поощрять или подавлять. Наши вожделения, алчность и похоть столь же мимолетны, как и все прочее, они отвеются в беспощадном свете внимательного и точного размышления. Распознав их суть, уже невозможно им предаваться. Итак, Будда не разоблачал порок, а отмахивался от него, словно от детской глупости. Буддизму отнюдь не присуще доходящее до ненависти к себе чувство вины, которое столь часто изводит христиан, пробуждая в них страх перед телом и вызывая яростные порывы умерщвления плоти.

От достаточно радикальной идеи «знание – путь к спасению» остается один шаг до еще большей крайности – «знание и есть спасение». Понять что-то – значит преобразиться, но преображение происходит не так-то просто и не так-то быстро, к тому же его нелегко уловить: «...постижение и практика его метода и его учения даются постепенно, подобно тому, как океан плавно вздымается, опадает и без резких перепадов опускается»²³. Смысл в том, чтобы упорно следовать методу, пока разумное, аккуратное и благое поведение не станет привычным. Бытие – это становление, а потому жаждущий просветления должен быть упорен, решителен и энергичен. Последние слова Будды гласят: «Преходяща всякая форма; стремится неизменно»²⁴.

Еще одно важное понятие – «метод». Буддизм представляет собой не набор догм, но метод, совокупность процедур, с помощью которых удается разорвать цепочку невежества и его дурных последствий. Однако о причинах невежества как такого Будда отказывается рассуждать, не предполагает какого-либо первородного греха, гибели золотого века и т. д. Он вообще избегает метафизических вопросов, не потому что не задумывается о них, но потому что не видит пользы в подобных умозрительных спекуляциях: «Это – как если бы человек был поражен стрелой, некто отравлен, и его друзья позвали врача. И если бы тот говорил: «Я не позволю вынуть из себя стрелу до тех пор, пока не узнаю человека, поразившего меня»»²⁵.

Отказ от «универсальной теории» – чрезвычайно мудрое решение, ибо в отсутствие догмы не будет и доктринальных

споров, ересей, расколов, т. е. не будет инквизиции, пыток, костров. Два основных направления буддизма, тхеравада и махаяна, всегда сосуществовали в гармонии – как прискорбно выглядит на их фоне история католицизма и протестантизма! Буддизм не предполагает сверхъестественного откровения и вообще богов, чудес, даров свыше, божественной милости или богооплощения. А значит, нет потребности в вере. Собственно, Будда решительно отвергал веру, ибо она снимает с человека личную ответственность: никто не должен верить чему-то лишь из-за того, что ему так сказали. Каждый человек должен найти свое, личное решение.

Как ни парадоксально, христианство, религия рационального Запада, оказалось насквозь иррациональным, непоследовательным и, осмелиюсь сказать, абсурдным, в то время как учение мистического Востока – буддизм – вполне рационально, последовательно и практически: оно вовсе не требует от новообращенного «прыжка веры», но предлагает ему метод, причем этот метод наглядно работает. Еще удивительнее, что как раз наиболее привлекательные черты буддизма сделали его малоинтересным для нынешнего века, и в то время как другие великие религии укрепляются, буддизм сдает позиции²⁶.

Христианская доктрина источником всех бед объявила первородный грех, искупить который способна лишь божественная благодать – тем самым на тысячу с лишним лет был закрыт вопрос о личности и возможности самопознания и самореализации на Земле. Лишь эпоха Просвещения вернула смысл и упование индивидуальным поискам мыслителей.

Идеи голландского философа XVII века Бенедикта (Баруха) Спинозы разительно схожи с открытиями Будды. Философы Просвещения высоко почитали Разум, но Спиноза напомнил, что наш разум несется верхом на тигре – что нашей природой управляют главным образом бессознательные порывы, проникающие в сознание в виде «желаний». Предложенная Спинозой формулировка могла бы прозвучать в «Дхаммападе» или у Фрейда: «Желание есть самая сущность человека»²⁷. Зато о природе сознания Спиноза рассуждает, как нейробиолог XX века: «...порядок и связь идей происходят в душе сообраз-

но с порядком и связью состояний тела»²⁸, и все же, подобно Будде, уверен – мы сумеем контролировать то, что нами движет, если осмыслим природу этих влечений: «Аффект, составляющий пассивное состояние, перестает быть им, как скоро мы образуем ясную и отчетливую идею его»²⁹.

Порой от Спинозы отмахиваются под тем же предлогом, что и от Будды, – мол, он ищет лишь спокойствия, – однако на самом деле превыше всего Спиноза ценил умственную радость, осознание своей интеллектуальной силы, причем, как и в учении Будды, «понимание» в этой системе не является инертным, итоговым состоянием, но остается неисчерпаемым процессом, требует постоянных усилий. Есть у Спинозы и другие прозрения, сходные с положениями современной нейронауки, которая определяет живые организмы как системы, стремящиеся к оптимизации своей жизненной ситуации: «Стремление каждой вещи пребывать в своем существовании определяется единственно сущностью самой вещи»³⁰. И это стремление – дело отнюдь не простое, в том-то и заслуга: «В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особенного труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но все прекрасное так же трудно, как и редко»³¹.

К этому Европа XVII века не была готова. Будда стал родоначальником нового учения, а Спинозу оставили еретиком. Еврейская община в Амстердаме, к которой от рождения принадлежал Барух, для начала попыталась его подкупить, предложив тысячу флоринов годового содержания, потом решилась на покушение (удар кинжала был смягчен плащом, которым Спиноза отразил нападение) и, наконец, провозгласила анафему выразительным языком Ветхого Завета: «По произволению ангелов и приговору святых мы отлучаем, отделяем и предаем осуждению и проклятию Баруха Спинозу... тому проклятию, которым Иисус Навин проклял Иерихон, которое Елисей изрек над отроками, и всеми теми проклятиями, которые написаны в книге законов. Да будет он проклят и днем и ночью, да будет проклят, когда ложится и встает; да будет проклят и при выходе и при входе!» Гремит и грохочет проклятие, завершаясь строжайшим запретом: не читать книги Спинозы, не

разговаривать с отступником, не подходить к нему ближе чем на четыре локтя. Спиноза бестрепетно отвечал: «То, что вы со мной намерены сделать, вполне совпадает с моими устремлениями»³².

После смерти Спинозы его идеи и работы безжалостно замалчивались, и лишь в XIX веке Артур Шопенгауэр высказал схожие мысли. Шопенгауэр использовал понятие воли, которую он определил как «слепую движущую силу» (т. е. Id). Воля принуждает человека повиноваться импульсам, либо вовсе неизвестным ему, либо которые он смутно осознает³³. Ненасытность ее аппетитов Шопенгауэр описывает с непревзойденной выразительностью: «...желания [воли] беспредельны, ее притязания неисчерпаемы, и каждое удовлетворенное желание рождает новое. Нет в мире такого удовлетворения, которое могло бы утишить ее порывы, положить конец ее вожделениям и заполнить бездонную пропасть ее сердца»³⁴. Среди этих аппетитов выделяется половое влечение: «Человек бредит, если думает, что может подавить половой инстинкт. Он может *думать*, что способен на это, но в действительности интеллект подчинен половым влечениям, и в этом смысле воля — “тайный соперник интеллекта”»³⁵. Секс — «конечная цель почти всякого человеческого стремления», и вытеснение сексуальных желаний вызывает невроз. Шопенгауэр был поразительно проницательным психологом, но не верил ни в общественный прогресс, ни в личную самореализацию и утверждал, что в мире, где отсутствует стабильность, где все непрерывно меняется и приходится удерживать равновесие, спеша вперед по натянутому канату, счастье невозможно.

Подобные идеи мы встретим и у Ницше — бунтующий немецкий философ воображал, будто сделал ошеломительные открытия, однако им уже не первая тысяча лет. Он тоже признавал бессознательную движущую силу, которая у него называется «само»: «Твое Само смеется над твоим Я и его гордыми скачками. “Что мне эти скачки и полеты мысли? — говорит оно себе. — Окольный путь к моей цели. Я служу помочами для Я и суфлером его понятий”»³⁶. Это таящееся «само» — злой и упорнейший враг человека: «Но самым опасным вра-

гом, которого ты можешь встретить, будешь всегда ты сам; ты сам подстерегаешь себя в пещерах и лесах»³⁷. Как и его предшественники, Ницше подозревал, что суть всего живого — в стремлении к оптимизации своего существования: «Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти...»³⁸. Это неустанное стремление человеческого организма Ницше имеловал самопреодолением: «И вот какую тайну поведала мне сама жизнь. “Смотри, — говорила она, — я всегда должна преодолевать самое себя”»³⁹. «Само» преодолевает самое себя — два куска дерева трутся друг о друга, и возникают искра, тепло и свет, наполняющие жизнь смыслом. С присущим ему красноречием Ницше приветствовал борьбу: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее»⁴⁰.

В XX веке Фрейд предложил выстроенную по тем же принципам систему «я-и-оно», хоть и утверждал, что его система нова и к тому же соответствует строжайшим требованиям науки. Он разработал научный метод психоанализа, на то и направленный, чтобы вернуть «я» власть над «оно»: хитроумное «оно» следовало застать врасплох, когда оно (то бишь «оно») проявится в неврозе, свободных ассоциациях или снах (после того как этот целый день правит бал, ночью на первый план выходит Id). Психотерапевту требуется особое умение: «Аналитик, стремящийся в той или иной аналитической ситуации быть моделью для своего пациента и играть роль его наставника, должен иметь определенное превосходство над последним»⁴¹. Иными словами, психоаналитик уподобляется мастеру дзэн-буддизма. Но мало кто из психоаналитиков захотел или смог быть наставником или служить моделью: многие удовольствовались щедрыми гонорарами от богатых невротиков за то, чтобы выслушивать тех раз или два в неделю, — или, что хуже, адептов увлекло некое подобие пластической хирургии в области психологии. Помню, как я возмутился, прочитав интервью театрального критика Кеннета Тайнена: он, мол, заплатил психоаналитику за то, чтобы тот снял с него груз вины после развода. И об этом сказано без юмора или сожаления.

Новейшие исследования в нейронауках подтверждают модель личности, издавна предлагавшуюся мыслителями, только

граница между эмоциями и разумом, это и Id не столь отчетлива, как мнилось Фрейду и его предтечам. Такие ученые, как Джозеф Леду, связывают эмоциональные реакции человека с амигдалой, миндалевидным телом (частью лимбической системы, которая досталась нам от наших предков – рептилий), а рациональную реакцию – с префронтальной корой (лобные доли мозга)⁴². Грубо говоря, «я» – это префронтальная кора, «оно» – миндалевидное тело. Однако эмоциональный мозг тоже мыслит, а рациональный мозг, непосредственно связанный с миндалевидным телом, очень даже подвержен эмоциям. И по принципу «плохой-хороший» эти области мозга тоже не делятся: многие импульсивные реакции эмоционального мозга (в том числе интуиция) хороши и полезны, а среди продуманных реакций рационального мозга есть и вредные, например самообман. В общем, и это – не герой, и Id – не плохой парень, хотя в целом мы вправе сказать, что, как правило, рациональный мозг принимает более мудрые решения, чем эмоциональный. Возьмем случай Мэри Джексон, умной и целеустремленной девятнадцатилетней студентки, которая собиралась окончить медицинский университет, выйти замуж за своего молодого человека и открыть в бедном районе родного города детскую больницу. Все было спланировано – и вдруг девушка начинает прогуливать занятия, пить, баловаться кокаином, спать с кем попало и закатывает безумные истерики, если ее пытаются остановить. Когда бедолагу доставили, на конец, к неврологу Кеннету Хейлману, тот при сканировании мозга обнаружил огромную опухоль, которая поразила префронтальную кору, из-за чего девушка оказалась не способна противиться влечениям и преследовать долгосрочные цели⁴³. В середине XX века хирурги сознательно вызывали такие же состояния, проводя лоботомию: считалось, что разрушение передней доли мозга излечивает ряд болезней, от эпилепсии до шизофрении. Этот грубый метод применялся на тысячах заключенных и пациентов психиатрических клиник: под глазное веко вставляли скальпель, а затем пробивали кость, чтобы разорвать связи префронтальной коры с остальными участками мозга. (А если вы питаете избыточное почтение к Нобелев-

ской премии, сообщаю вам, что в 1949 году этой высочайшей награды были удостоены два хирурга, как раз и придумавших данную процедуру.)

Нейрофизиолог Джонатан Коэн исследовал конфликты эмоционального и рационального мозга более щадящим способом: помещал участников эксперимента под сканер и предлагал им подарочный сертификат – немедленно или потом, но на большую сумму. Перспектива получить что-то прямо сейчас активизировала эмоциональный мозг, а перспектива большей, но отсроченной выгоды задействовала рациональный мозг, т. е. префронтальную кору, и выбор оставался за тем участком мозга, который проявлял большую активность. Возможно, Коэн – первый, кому довелось воочию наблюдать древнейший в человеческой истории конфликт – борьбу между эго и Id. И моя префронтальная кора была опечалена, узнав, что чаще побеждало Id⁴⁴.

3

Право на притязание и гламур возможного

Размышления о нашем «я» кое в чем ограничены: человек в них рассматривается как нечто неизменное и изолированное, не обусловленное личной историей и социальным окружением. Однако такого человека не существует: все мы в достаточной мере зависим от своего темперамента, биографии и господствующей в обществе атмосферы.

Первым важность культурной среды осознал Карл Маркс: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁴⁵. Затем Фрейд добавил к понятиям «я» и «оно» «сверх-я» – усвоенные человеком требования общества. Подобно «оно», «сверх-я» также действует на подсознательном уровне. Но обе эти модели оказались слишком примитивными. Обусловленность сознания бытием не есть однодиапазонный вектор, это сложный, циклический процесс постоянно возникающих петель обратной связи. Зачастую при изменении социального климата некоторые люди обнаруживают у себя новую потребность или более интенсивную версию прежней потребности, а умный предприниматель тут же улавливает тенденцию и предоставляет соответствующую продукцию или услугу. Это как бы узаконивает новую потребность, укрепляет ее и способствует ее распространению, так что все больше людей громко заявляют о наличии у них данного желания и все больше компаний берутся его удовлетворять. Вскоре то, что было новым явлением, превращается

в норму: так делают все. Постепенно норма начинает восприниматься как естественное право и задевает даже тех, кто никогда не имел такой потребности и вообще не расположен к ней обзаводиться.

Еще одна ошибка Маркса: он думал, что условия бытия и тем самым сознания всегда диктуются «справа». Но в последние годы отмечается весьма сильное влияние «слева». 1970-е стали десятилетием либерализации, выплеснувшегося гнева против любой несправедливости, громко прозвучавших требований о признании не признававшихся прежде прав. Прошло время, и требования конкретных прав для конкретных групп людей выродились в расплывчатые всеобщие притязания, в столь же расплывчатую потребность привлечь к себе внимание, в столь же общую обиду и недоданность. Сложилась культура повышенной потребности во внимании, неудовлетворенных притязаний и жалоб.

В особенности сильна и все укрепляется потребность во внимании. Она прорастает из внутренней пустоты. Самоидентичность все более нуждается в подтверждении извне: меня заметили, следовательно, я существую. Проще всего это выражается в желании быть физически на виду. И вот типичный пример обратной связи: социальное пространство организуется так, чтобы удовлетворить эту нужду быть замеченным. Открытая планировка стала обычным делом в домах и офисах, в ресторанах и барах, вошло в привычку трапезничать на открытом воздухе в любое время года, и все большее количество общественных заведений планируется таким образом, чтобы можно было «на людей посмотреть», причем это оказывается так же приятно, как и «себя показать». Если пространство все же приходится разделить, используют прозрачные материалы – например, прозрачный кабинет управляющего, прозрачные лифты и т. д. Недолго оставалось ждать появления прозрачного дома, и для элитной архитектуры Манхэттена стеклянные внешние стены уже столь же привычны, как в 1920-е годы были известняк и кирпич. Если же прозрачных стен и открытого пространства покажется мало, люди со средствами могут оплатить слежку за собой. Это кажется сомнительной

тратой, но подобные предложения становятся все более востребованными – вероятно, потому, что внушают клиентам чувство собственной значимости и ценности. Основатель одной из компаний, предоставляющих такие услуги, сообщает: «Некоторые наши клиенты признавались, что надевают более красивое белье и в целом начинают тщательнее ухаживать за собой, когда знают, что за ними следят. Им достаточно и такого внимания»⁴⁶.

На более высоком уровне поиск внимания соединяется с потребностью в утверждении себя как личности и принимает еще более острую форму – жажды славы, т. е. желания не просто быть замеченным здесь и сейчас, причем немногими людьми, но постоянно купаться в теплых волнах признания, восхищения, зависти и любви. Давняя молитва ныне исправлена: «Да воссияет на нас вечный свет – свет рампы». Спрос на славу столь велик (31 процент американских подростков от всей души верят в свою грядущую известность⁴⁷), что традиционных способов ее достижения – поиска талантов и чествования их в СМИ – уже давно не хватает. Нужно обеспечить славу и бездарностям, скажем, сделать их звездами реалити-шоу, открыть новые, доступные для всех возможности, как, например, раскрутка себя в Интернете.

Но и этого мало, существует еще и потребность в групповой самоидентификации. Потребность во внимании, уверенность в своем праве и вытекающие отсюда претензии порождают еще один привычный теперь феномен: то и дело очередная группа людей объявляет себя обиженной, поскольку-де ей не уделяют положенного внимания и не воздают должного. Прелест жеста оскорбленного достоинства в том, что бандитские угрозы можно представить протестом жертвы, так что это наслаждается сознанием собственной добродетели, покуда Id дает волю агрессии. Вседозволенность так привлекательна: всякий может обидеться в любой момент и на что ему вздумается. Атмосфера насыщена страхом и подозрениями – что и требуется для настоящих обидчиков.

Конечно, никто не предвидел такого развития событий в 1970-е, когда боролись за свободу всех и вся – женщин, го-

мосексуалистов, чернокожих, за права молодежи и свободу секса. Либерализация ударяла в голову, казалась безусловным благом: снимите с нас тяжкое ярмо, и наступит всеобщее процветание.

Правые растерялись, но для прочих открывались замечательные возможности. Деньги тоже потребовали прав и свобод, и началась финансовая либерализация, то бишь отмена всяческой регулировки. Оказывается, в глубине души деньги тоже тянулись к дешевой романтике – и вот теперь разгулялись вовсю: сняли с себя всякую ответственность, сделались изменчивыми и блудливыми. Они лягут с каждым, кто привлечет их внимание, но нигде не задержатся до утра. Инвесторы уже не ищут долгосрочных дивидендов, но второпях перепродают акции, чтобы немедленно извлечь прибыль, а в итоге мерилом успеха компании становится цена акций, а не реальный продукт. На росте стоимости акций благоприятно оказывается известие, что компания, мол, занялась чем-то новым и небывалым. Для финансовой сексуальности требуется иллюзия динаминости, гибкости, новаторства. Стабильность, напротив, обернулась замшелой старухой – «фу».

Один из самых ловких (и в духе современности) ходов – наброситься на собственную организацию с бензопилой. В смысле провести реструктуризацию. Это модненько даже за пределами акционерных компаний: то и дело реорганизуются правительственные департаменты, университеты, телевидение. Однако систем на свете не так уж много, поэтому сотрудники, коим удается продержаться достаточно долго, внезапно становятся свидетелями возвращения той самой безнадежно устаревшей изначальной структуры под видом чего-то актуального и суперсовременного. Прослужив изрядное число лет, я вдруг понял, что в теории вечного возвращения Ницше таки был смысл.

Освобожденные деньги оказались даже эротичней освобожденных женщин, и среди всех перемен одна видится мне решающей: поклонение переменам как таковым, широко распространившийся культурный миф о магии возможного. Одно из последствий: поскольку перемены отныне считаются

безусловным благом, политики могут строить успешные избирательные кампании просто на обещании «перемен».

Как напоминает нам Шопенгауэр, человек всегда стремится жить в предвкушении – это еще одно свойство Id. Однако наш культ перемен и привычка на все притязать «по праву» полностью подчинили современную эпоху чарам возможного, волшебству ожидания: что-то вот-вот должно наступить. А в результате сами средства возводятся в цель.

И деньги, универсальное средство и посредник, сделались универсальной целью. Но есть и другие подмены цели средствами. Например, в отношениях между полами сексуальная привлекательность, которая должна была бы способствовать поиску партнера, отделилась от секса: все чаще предлагается восхищаться, но руками не трогать, и уж конечно – боже упаси! – никто и не думает о том, чтобы привлекательность *работала*. Готов дать психологам теорию на проверку: чем человек привлекательней сексуально, тем ленивей он в сексе. Возможно, мою гипотезу опровергнут, но серия экспериментов обещает быть увлекательной.

На рабочем месте реорганизация, инновация, гибкость, талант, тренинг и мобильность – все теперь понимается как безусловное благо. Интерес к тренингам переходит в одержимость – многие компании требуют от своих сотрудников определенного количества часов на курсах и платят за их обучение независимо от фактической потребности. Заметно повысился статус «талантов» – дизайнеров, музеиных смотрителей, художников и поваров.

Культ возможного – это проявление алчности, вера, что где-то совсем близко всегда найдется что-то лучшее. Будущее представляется волшебным, зато полностью лишается очарования настоящего. Что бы ни происходило сегодня, это уже вчерашний день, а нас интересует лишь то ПРЕКРАСНОЕ, ЧТО ВПЕРЕДИ, – очередной любовник, другая работа, проект, выходные, поездка, ужин. Мы научились изящно решать проблемы, удирая от них (путешествие – это так волнующее!). Как только в отношениях или на работе возникают трудности, появляется искушение «двигаться дальше». Мы отказываем

себе в удовольствии встретиться с проблемами лицом к лицу и одолеть их. Мы лишаемся важнейшей человеческой способности – извлекать урок или иную пользу из испытаний, обращать во благо все, что происходит с нами.

Зачем нам проблемы? С нами должны происходить только приемлемые, приятные вещи. Мы признаем только счастливые повороты судьбы, мы не допускаем даже случайных проколов. Философ Джгулиан Баджини исследовал природу современного недовольства и жалоб и заметил, что главным образом люди сетуют на злосчастье, судьбу и прочие силы, над которыми они не властны⁴⁸. Мало кто готов признать вместе с неостоиками, что «бывает всякое». Трагедия должна, видите ли, иметь смысл, из нее обязательно должно родиться нечто ценное. И вот на экранах телевизоров мы в очередной раз видим скорбящих родственников: они решились выступить, чтобы подобный кошмар никогда не повторился. «Мы не хотим, чтобы кто-то еще страдал, как страдаем мы».

В нашем праздном мире путешествия и походы по магазинам сделались самоцелью, ибо это – возможное в чистом виде, праздник надежд и обещаний. Многие виды возможного проявляются в шопинге: тут и пьянящие приключения, и тайна поисков, и опасность азартной игры, и счастливые случайности творчества, возносящая к небесам вера и чувственность любовной прелюдии. Еще бы нам этого не любить! Причем возбуждение от возможностей можно продлить и за пределы самого акта покупки. Несколько лет назад семнадцатилетний Ник Бейли так обрадовался обретению Nintendo Wii, что снял видео о том, как он распаковывает и включает свой кусочек счастья. Видео Ник разместил на YouTube. Казалось бы, кому охота смотреть, как какой-то повернутый на играх подросток сдирает обертки с новенького гаджета? Однако лишь в первую неделю ролик Ника посмотрела 71 000 человек, а вскоре появились специальные сайты, посвященные исключительно удовольствию распаковывать и разворачивать очередное приобретение⁴⁹. Родилось еще одно «ощущение» от шопинга – уже не на один, а на два порядка отстоящее от изначальной цели: сделать конкретную покупку.

Достигая таких экстремальных форм, шопинг отделяется от физической реальности приобретаемого товара и от реальной пользы той или иной вещи. Шопинг уже не средство для удовлетворения определенной потребности, но самоцель, наслаждение, причем такое, которое хочется переживать снова и снова. Покупки сами по себе уже почти ничего не дают, ведь возможности бесконечны, а каждый выбор ограничен. Для раба возможного достижение цели оборачивается провалом. Волшебный талисман оказывается самой обыденной вещью, и только что вознесшийся к небесам шопоголик вдруг возвращается к своему привычному, неинтересному «я». Весьма часто нарядные одежки так и остаются висеть в шкафу, в дорогостоящие игрушки никто не играет, никто не читает свежекупленные увлекательные книги и не слушает диски.

У меня тоже есть свои навязчивые потребности: я покупаю книги и диски в надежде постичь некое эзотерическое знание и насладиться тайным экстазом, но и на моих полках полным-полно ни разу не прослушанных дисков (однако там нет ни одного в целлофановой упаковке, ведь сдирать ее – часть наслаждения возможным, прелюдия). Еще больше дисков, которые я прослушал всего один раз. В тот момент, когда из динамиков доносится музыка, только что купленный CD теряет обаяние новизны и становится одним из многих. А поскольку книги дешевле и чтение занимает больше времени, чем проигрывание дисков, то непрочитанных новинок на моих полках еще больше, чем непрослушанных. Новая книга сохраняет обаяние возможного примерно шесть недель после покупки, а затем из потенциального хранителя магической тайны превращается в обузу, в упрек моей лени и расточительности, в источник смущения и стыда.

Отличный способ оправдать ненужные покупки – объявить себя коллекционером, так что неслучайно подобное хобби становится все более популярным. Как приятно обычному шопоголику переквалифицироваться в коллекционера, ведь само это слово подразумевает наличие профессиональных знаний и культурного вкуса. Бесполезные приобретения становятся элементами коллекции, т. е. не мотовством, а умелым капитало-

вложением. Что же касается человека вроде меня, с навязчивой потребностью покупать книги и диски, тут дело еще проще: я не покупаю что попало, я «формирую библиотеку».

На радостном предвкушении замешаны и путешествия. Новое место так сильно – во всем – отличается от старого! Интересно, необычно, экзотично – вот где явится на свет преображенное «я». Однако новое место, пусть там теплее и веселее, всего лишь *место*, там тоже небо и деревья, люди и здания, а самое неприятное – наше противное старое «я» почему-то увязалось с нами в вояж. В «Искусстве путешествий» Ален де Боттон рассказывает об отдыхе с подружкой на Карибских островах. Перед поездкой оба мечтали о гармонии, которая воцарится в их отношениях под ярким солнцем, на фоне синего моря и белого прибрежного песка, пальм, великолепных закатов – но, едва прибыв, влюбленные начинают препираться из-за вида и объема поданного им в ресторане десерта. Десерт они заказали один и тот же, но подружке досталась порция побольше, а тарелка Алены была лучше оформлена. Девушка меняет тарелки, оправдывая жест тем, что угождает не своему капризу, но капризу своего спутника. Они ссорятся и возвращаются в номер раздосадованные: тут уж им не до прекрасного пейзажа, которому следовало укрепить и вознести на иной уровень их отношения!¹⁵⁰ С каждым из нас случалось подобное, но мы предпочитаем не помнить об этом, ведь следующий отпуск уже вписан в календарь и точно принесет истинное блаженство.

Путешествия и шопинг так хорошо сочетаются, что все чаще оказываются рядом. Возможность покупать нам любезно предоставляют в аэропорте и на борту самолета, на вокзале, в холле гостиницы и даже в гостиничном номере – стоит подключиться к Интернету, хотя это, конечно, паллиативы, служащие лишь для того, чтобы подогревать аппетит перед основным событием – совершенно новым шопингом в совершенно новом городе.

Идеальное совмещение шопинга и путешествия – роскошный круиз. Собственно, поскольку круиз подразумевает неустанные развлечения и круглосуточное обслуживание, кру-

изный лайнер сделался символом нашей эпохи: огромный плавучий дворец аттракционов кружит младенцев-переростков в комфортной одежде пастельных тонов по золотому кольцу торговых столиц.

Уморительный и пугающий отчет Дэвида Фостера Уоллеса о карибском круизе – «Удовольствие, которое я ни за что не хотел бы повторить» – можно читать как добросовестное документальное повествование, а можно – как притчу о нашем времени, ибо в круизе, словно под увеличительным стеклом, проступают все новые культурные тенденции. Прежде всего, пассажиры обнаруживают атрофию способности к непосредственным впечатлениям: для них реально лишь то, что удалось запечатлеть, а потому все до зубов вооружены сложнейшими фото- и видеокамерами. Столь же универсально их «право притязать» – каждый уверен, что вполне заслуживает роскошные каникулы. Инфантельная потребность в заботе удовлетворяется армией неутомимой obsługi. Экипаж неумолимо, фанатично бодр и весел, пассажиры столь же упорно и фанатично бездумны. Уоллес пишет: «Я своими ушами слышал, как взрослые преуспевающие граждане США спрашивали дежурного, намокнут ли они при нырянии с маской, будет ли стрельба по тарелочкам проводиться внутри или снаружи, ночует ли экипаж на борту и в котором часу состоится Полночный фуршет»⁵¹. И на пароходе, и на берегу – бесконечный шопинг, бесчисленные развлечения и увеселения: бассейны, тренажерные залы, всевозможные спортивные площадки (включая даже картинг), а также казино, пиано-бары, дискотеки, кинотеатры и еженощное шоу знаменитостей: пародист, жонглер бензопилами, супружеский дуэт с набором популярных мелодий и гипнотизер, уверяющий, будто вводил в транс и королеву Елизавету Вторую, и далай-ламу.

Многие из обозначенных здесь современных тенденций взаимно обусловлены. Инфантелизм, конечно же, представляет собой реакцию на либерализм уходящей эпохи. Представление, будто для самореализации достаточно свободы, что надо только сбежать от изматывающей душу работы, гнетущих отношений и унылого городишко, оказалось неверным в кор-

не. Свобода не ведет автоматически к самореализации. Напротив, свобода – это тяжкий упорный труд. Возможно, старые традиции угнетали, но жизнь без них полна неопределенности, стала еще сложней, трудней, запутанней. Каждое решение приходится продумывать от самых основ, а это изнуряет. Неисчерпаемые возможности оборачиваются загадкой бесконечно-го выбора. И вот человек пытается вернуться в прошлое, когда он без лишних раздумий повиновался любому порыву, когда его вели эмоции, а не разум, когда все было просто и четко и его жизнь была пассивной, зато легкой. Ответственная взрослая жизнь пробуждает ностальгию по младенчеству: все тебя любят, кушай и пей до отвала, вали в подгузник и засыпай под колыбельную.

Реклама только рада потакать эмоциям и импульсам, а индустрия развлечений убаюкивает Большого Ребенка. Единственная положительная черта нового инфантелизма – иногда потребность защитить младенца берет верх над потребностью его баловать. Одна лондонская гостиница, уже и так отметившаяся изощренными формами обслуживания – тут тебе и собачью свадьбу сыграют, и отдельного дегустатора по горчицам и приправам держат, – выдвинула идею, достойную роскошного круизного лайнера: а давайте в номер к постояльцю поднимутся два наших аниматора, и один будет сражаться с ним подушками, в то время как другой – судить. Развлечение, возрождавшее беззаботные детские игры, пользовалось величайшей популярностью, но, увы: в скором времени его пришлось отменить «из соображений безопасности и охраны здоровья». И попробуйте только не окружить Большого Ребенка заботой и вниманием – ох, и рассердится же он! Новый инфантелизм лишь увеличивает в современных людях ощущение собственной важности, своего права на то да се, вот почему человек гораздо чаще негодует и предъявляет претензии, нежели вспоминает о приличиях и признательности. Стало уже привычным видеть Большого Ребенка красным с лица от ярости.

Новый инфантелизм послужил причиной расцвета ПК, но не политической корректности, а *профессионального ку-ку*. Жизнерадостное, светлое выражение лица без иных оттенков

и нюансов – таким старший представляется ребенку, однако для взрослого общения это и есть профессиональное ку-ку. Переходу к ПК способствовал сдвиг от производящей экономики к сервисной: повышенное значение приобретает пользовательский интерфейс. Клиент всегда прав, обслуживающий всегда брав. Это правило возникло в американской индустрии обслуживания, а позже распространилось по всему миру. Пришлось приспосабливаться даже славившимся надменностью парижским гарсонам. Французы были неподражаемо пренебрежительны – со своими-то вековыми винами, сырами и традициями, – но теперь и они вынуждены желать презренным клиентам доброго дня. Жан-Поль Сартр гордился тем, как Париж изверг «отраву нацизма». Посмотрел бы он, как Париж впитал американский сахарный сироп.

Мы и сами превращаемся в товар в мире товаров, развивающиеся не как личности, а как бренды – на современном рынке человеку-товару надлежит быть улыбчивым и бодрым⁵².

Ориентация на маркетинг способствовала росту «команды» – на место прежних отделов и штатных служащих, много лет исполнявших одни и те же обязанности, пришла более «гибкая» структура: команды набираются по краткосрочным контрактам под конкретный проект. Тем самым рвутся связи человека с компанией и уходит прежняя лояльность; теперь важно показать себя «командным игроком», а что за игра – дело десятое. Сотрудничать стало так же важно, как трудиться самостоятельно, а готовность «влиться» оценивается наравне с умением работать по специальности.

В середине 1970-х двое американцев соединили улыбающееся лицо с роковым лозунгом «Доброго дня» и запатентовали символ, чья всемирная популярность ныне соперничает с популярностью креста. На самом деле это лицо еще раньше нарисовал другой американец, Харви Болл, но то было в невинном 1964 году, когда деньги еще не стали сексуальней секса – Боллу и в голову не пришло запатентовать рисунок, так что он получил за свою работу жалкие 45 долларов. Будучи человеком старой школы, хоть и рекламщиком, на вопрос, не сожалеет ли он об упущенном источнике неиссякаемых до-

ходов, Болл ответил в духе античного стоика: «Слушай, два стейка зараз мне все равно не съесть».

В совокупности эти тенденции перевернули прежнюю систему ценностей, так что перемены показались лучше стабильности, потенциальные возможности – лучше реальных достижений, предчувствие – лучше радости в настоящем, командный дух затмил индивидуальность, оппортунизм стал полезнее лояльности, отношения перетекли в транзакции, инфантилизм превознесся над зрелостью, пассивность ценится выше дела, от проблем надо удирать, а не пытаться с ними справиться, существуют лишь права без обязанностей, ну и постарайтесь обратиться вовне, а не внутрь себя, не задумывайтесь, веселитесь.

«Слева» нас соблазняют правом на притязание, «справа» дразнят гламуром возможного – удивительно ли, что мы поверили, будто самореализация представляет собой не только природное право каждого, но и заслуженную награду, которая требует не больше усилий, соображений и терпения, чем поездка по эскалатору на следующий этаж шопинг-центра.

Но ведь все эти тенденции с виду – самые что ни на есть благостные. Ведь свобода – сладчайшее из слов в нашем словаре, душа и суть современного общества. И разве счастье не заключается прежде всего в возможном? И разве нам нет смысла меняться? И разве не должны мы обращаться с другими так, как хотели бы, чтобы они обращались с нами? Но прежде свобода подразумевала возможность участвовать в управлении страной, теперь же свобода – это сопротивление попыткам правительства вмешаться в нашу жизнь. Ощущение своего потенциала, конечно же, придавало жизни смысл, но то был внутренний потенциал, теперь же весь наш потенциал – снаружи, обеспечивается такого рода деятельностью, как сексуальные похождения, раскрутка, путешествия, шопинг. «Ты должен меняться» – фундаментальная заповедь, но она не призывала нас поклоняться переменам ради них самих, нет, перемена всегда должна соизмеряться с потребностью в преданности и ответственности. Приветливость – прекрасное качество, и уж конечно, мы предпочтем улыбку угрюмости и неучтивости, но много ли проку в напускной бессодержатель-

ной благожелательности? И чем компенсировать утрату более сложных реакций – иронии, скептицизма, несогласия? Да и от пламенного энтузиазма придется отказаться, он выглядит нелепым преувеличением на фоне бодрого смайлика. К сожалению, вечный смайлик подорвал доверие к улыбке – теперь она выглядит подозрительно: собеседник то ли прикидывается, то ли манипулирует нами, – так что скорее мы поверим в искренность яростной гримасы горгульи.

Что же делать? Изменить сложившуюся культуру – невелика надежда. Одной из сильных сторон капитализма всегда была его способность вербовать в свои ряды всех и каждого, ссылаясь на перспективу сделаться домовладельцами, держателями акций, предпринимателями. К давнему обещанию сделать каждого миллионером недавно добавилось другое, не менее заманчивое: каждому гарантирована слава. И еще один секрет капитализма: он нейтрализует оппозицию, поглощая ее. Без видимых усилий капиталистическое общество ассимилировало рабочий класс, затем в 1950-е годы поглотило битников, в 1960-е – контркультуру, в 1970-е – панков, а недавно – движение против современной культуры. Компания Adbusters производит ныне беговые кроссовки – естественно, с лейблом Adbusters. Понесете ли вы наказание за нарушение приличий, если напишите книгу о том, как приятно душить маленьких мальчиков, нарисуете разложившийся, пожираемый червями череп или же швырнете в зрителей кишками свиньи, а затем на глазах у публики откусите голову живой летучей мыши?⁵³ Нет, ваши богатства и слава лишь приумножатся. Капитализм с удовольствием поглощает контркультуру – она для него словно клетчатка в хорошо сбалансированной диете.

Телевидение и реклама также научились отводить оппозицию в нужное русло: они высмеивают самих себя и – процветают. Один из самых успешных ситкомов последних лет изображал глупое, пассивное семейство, которое проводит все свое время в гостиной перед телевизором. Но, разумеется, реальные семьи в гостиных перед телевизором, созерцая телевизионную семью, созерцающую телевизор, чувствовали себя не пассивными идиотами, а умницами и знатоками – они-то ведь

понимали, в чем прикол. Реклама также зачастую пародирует свои приемы и даже высмеивает саму идею рекламы. Опытный мошенник вовлекает в свою проделку свидетелей, подмигивая им в наиболее ответственный момент.

Дают ли нам древние или современные мыслители рецепт, как защитить себя от проникающего во все наши поры мира? Такого рода совет от них получить трудно: по большей части мыслители и сами с ужасом и презрением отворачивались от мира. У Будды имелся лишь один совет: полный и окончательный разрыв с миром.

С другой стороны, греческие и римские стоики – Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий – оставались в мире и весьма активно действовали в нем. Аврелий был императором, Сенека – банкиром, наверное единственным в истории банкиром-философом, а Эпиктет – рабом, затем вольноотпущенником. Они жили в богатой, изощренной и усталой цивилизации, во многом напоминавшей нашу теперешнюю, и писали удивительно живо – совершенно напрасно мы теперь употребляем слово «стоически» в значении «мрачного смирения с неприятностями». Вся эта троица не отличалась ни мрачностью (Сенека писал: «Культурнее будет смеяться над жизнью, а не плакать»⁵⁴), ни смирением («Искусство жить похоже скорее на искусство борьбы, чем танца...»⁵⁵ – пишет Марк Аврелий); и все они думали не только о том, как справиться с бедами, но и о том, как выжить при чересчур благоприятных обстоятельствах («Вообще-то вредит все, что переходит меру, но самое страшное – неумеренное счастье...»⁵⁶). Не богатство само по себе так уж плохо, рассуждали эти философы, плохо то, что оно подпитывает в человеке чванство, презрение к другим, нетерпеливость, раздражительность и беспокойство, а самое худшее – желание все большего богатства. Они уже понимали свойственное человеку безумие: сколько ни дай, все мало. Эпиктет сравнивал ненасытность богатства с лихорадкой, вызывающей неутолимую жажду; Сенека говорит о ненасытной потребности Александра Македонского завоевывать все новые земли: «...а он идет дальше океана, дальше солнца...»⁵⁷. Тогда, как и теперь, проблема заключалась в очаровании возможного

для богатого, даже изобильного общества. Опять-таки, говоря словами Сенеки: «Ожидание – главная помеха жизни; оно вечно зависит от завтрашнего дня и губит сегодняшний»⁵⁸. Труды стоиков как будто написаны для дня сегодняшнего, столько в них предостережений против пустой жажды внимания, шопинга, гнева, обидчивости, путешествий ради перемены мест («...здесь – то же, что и на вершине горы, на берегу моря и где угодно»⁵⁹).

Главной добродетелью стоики считали отрешенность – если уж мы не в состоянии повлиять на мир, по крайней мере, сделаем так, чтобы он поменьше влиял на нас – однако в основе этой отрешенности лежит не презрение, а, скорее, понимание, и оно не подразумевает уход в себя или же фаталистическое безразличие. Стратегия стоиков направлена не на избегание переживаний и не на пассивное их принятие: они хотели из всего *извлечь опыт и как-то его использовать*. «Главенствующее внутри, когда оно в сообразии с природой, поворачивается к происходящему так, что ему всегда легко перестроиться на то, что возможно и дается ему. Не склонно оно к какому-нибудь определенному веществу, и устремляясь к тому, что само же себе с оговоркой поставило, само себе делает вещество из того, что выводят ему навстречу, – так огонь одолевает то, что в него подбрасывают...»⁶⁰ – рассуждает Марк Аврелий. Разумеется, жалобы эта философия отвергает. Тверд Эпиктет: «Но значение имеет вот что: приучать себя устранить из своей жизни сокрушения и стенания, ни “О горе мне!” и “Несчастный я!”...»⁶¹ Изречение же Аврелия я бы и вовсе рекомендовал начертать на кофейной кружке: «Лучший способ защититься – не уподобляться»⁶².

К несчастью эти весьма плодотворные размышления о мире и жизни в нем были на тысячу с лишним лет забыты благодаря убеждению христианства, будто счастье на земле вообще невозможно. Хотя Христос, которого стали изображать существом совершенно не от мира сего, как раз весьма интересовался миром и давал людям немало полезных советов по обустройству жизни. Прежде всего он с яростным упорством отвергал преданность семье и племени: «Враги человеку – до-

машние его»⁶³. Далее, он обратил внимание на статус книжников и фарисеев – людей авторитарных, но не авторитетных (это принципиальное различие). Авторитет обеспечивает человеку уважение, а авторитарная власть уважения требует (порой тщетно); авторитету лишние украшения ни к чему, а авторитарная власть не обходится без соответствующего облачения; авторитет искренен, власть секретничает, авторитет – открытое сердце, власть – сжатый кулак. Вот почему Матфей говорит о Христе: «...Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи»⁶⁴. «Имеющий власть», т. е. высший авторитет, противопоставлен притязающим на власть по своему статусу. Книжники ставили правила выше принципов, статус ценили больше, чем реальные достижения, а в итоге лицемерие взяло верх над истинной добродетелью. Эти люди то и дело пытались вовлечь Христа в юридические и религиозные споры, рассчитывая, что он так или иначе попадется на пре-небрежении к многочисленным запретам, а Христос каждый раз отказывался обсуждать правила, но предлагал судить на основании принципов. Что делать, если овца упадет в яму в субботу, когда всякая работа запрещена? Спасать овцу или соблюдать запрет?⁶⁵ Напрасно христиане забывают о том, как часто Христос разоблачает лицемерие – в Новом Завете это одна из ключевых тем.

Спор Иисуса с фарисеями продолжается в рамках иных культур, ибо фарисеи имеются везде и всегда. Они, как бедняки, всегда с нами. Им редко достается власть и не ими определяется господствующая идеология, зато фарисеи готовы служить любому режиму и осуществлять всякий спущенный «сверху» план. Я говорю о французских чиновниках, которые скопом сдавали нацистам своих сограждан-евреев, о коммунистических аппараторчиках, которые сдавали своих соседей тайной полиции, о фанатиках политкорректности, застрашавших нас под конец XX века; я говорю о наших коллегах, что так затяжно и самоуверенно выступают на любом собрании, демонстрируя независимость своих взглядов, а сами в жизни и на дойм не отклонятся от официальной линии. Фарисеи – едва ли не главные передатчики культурных норм в любом обще-

стве, и они же с легкостью переключаются на новую систему ценностей, ибо едва ли замечают, как что-то изменилось. Оба варианта ПК им органичны: вместе с политкорректностью эта порода, веками соблюдавшая профессиональную мрачность, освоила и профессиональное ку-ку: они бодры, веселы и по-прежнему лишены чувства юмора. Христос предсказывал, что победить их почти невозможно: в их руках власть, они пропагандируют принятые «наверху» идеи и соблюдают протокол. Нам Иисус советовал: «...отдавайте кесарево кесарю...»⁶⁶ – иными словами, отдавайте власти лишь необходимый минимум и ничего сверх.

Фарисеи принадлежат к типу, обозначенному Фроммом как «авторитарный характер»⁶⁷. Этот тип поклоняется власти как таковой, почитает могущественных и презирает тех, кто «не при делах». Иными словами, это садомазохистский тип: лжи тех, кто выше, писай на тех, кто ниже. Естественно, у таких людей проповедь Христа, имеющего авторитет и не взыскивущего авторитарной власти, не могла вызвать ничего, кроме страха, ненависти и острого желания заткнуть ему рот.

В середине XX века эти идеи: стоический призыв обратить неприятности во благо, Христова проповедь морали, основанной на принципах, а не на предписаниях, и учение Фрейда о садомазохистской природе власти – соединились в философии экзистенциализма. Экзистенциализм – редкий пример философии, всерьез занимающейся отношениями между человеком и миром. Ключевым понятием этого учения стала личная ответственность. «...Я абсолютно свободен и ответствен за мою ситуацию»⁶⁸, – утверждает Сартр. Свобода и ответственность не предполагают права уйти от мира, изолироваться – напротив, тут-то и проступает необходимость вовлеченности на всех уровнях, от личных отношений до членства в определенных группах. Ответственность – это постоянно осуществляемый выбор, который порой дается нелегко, с кровью, но только так человек выходит за пределы ситуации и себя самого. Каждый выборечен, так что и речи быть не может о жизни в вечном предвкушении. Предтеча экзистенциалистов, Серен Кьеркегор, писал об «отчаянии возможности»: «Сфера возможного

непрестанно разрастается тогда в глазах моего Я, оно находит себе тут все больше возможного, ибо никакой реальности здесь не образуется. В конечном счете возможное обнимает собою все, но в то самое мгновение эта пропасть поглощает и Я»⁶⁹. Кьеркегор полагал, что личности нужен баланс возможности и необходимости: избыток необходимости задушит свободу, но при излишке возможностей личность выходит паром. На протяжении всей истории перед человеком стояла задача побороть давящую, сокрушающую необходимость, но современность сошла с ума от неограниченных возможностей. Болезнь нашего времени – отказ от необходимости.

Сартр также называл сутью свободы не потенциальное, но конечное: «Быть конечным в действительности – значит выбирать себя, т. е. заявлять о себе, чем являешься, проектируя себя к возможному, за исключением других. Само действие свободы – это, стало быть, усвоение и творение конечности»⁷⁰. Но выбрав нечто конечное, нужно полностью принять его, нужно *идти до конца*. Именно осознание своей ответственности пресекает жалобы: «Было бы, следовательно, бессмысленно сетовать на это, поскольку никто из посторонних не определяет того, что мы чувствуем, чем мы живем или чем мы являемся»⁷¹.

Мнение стоиков о необходимости использовать во благо все, что с нами случается, поднимается до уровня фундаментальной веры: с чем бы мы ни пришли в этот мир, из всего мы сумеем извлечь нечто для себя. И это не только возможность, но и обязательство. Пассивное принятие своей социальной роли и культурной «обусловленности» Сартр обличал как маловерие, недостаток «аутентичности», самооправдание лени – «таков уж я». «Я» должно находиться в постоянном становлении, и сам процесс делания «я» превращается в способ выйти за собственные пределы. Жизнь – непрерывная самотрансценденция.

Свобода становится ключевым фактором во взаимоотношениях с другими людьми. Вот почему в любви нет места капитуляции или требованию капитуляции от другой стороны, нет места садизму или мазохизму. К отношениям всегда по-

неволе примешивается элемент борьбы за власть, но в идеале всегда следует сохранять уважение к автономии партнера, хотя следование этому идеалу представляет собой не вечное блаженство, но вечный конфликт. Риск неизбежен, но зато он придает отношениям глубину, а экзистенциалисты предпочитают ее спокойному благополучию.

В групповых отношениях также не следует идти на поводу у группового духа, который Сартр называл «мы-сознанием», не следует и пускать в ход свою силу и власть, чтобы подчинить чужую свободу. Как в любви, так и в групповых отношениях применение силы зачастую отдает садизмом. Авторитарная личность – фарисей, навязывающий нам компромисс с иерархией, правилами и процедурами, когда на самом деле он добивается от нас окончательной капитуляции, отказа от внутренней свободы. Единственный способ ускользнуть от такого давления – всегда соглашаться *лишь* внешне. В этом заключается торжество экзистенциалиста: сохранить свое тайное «я» и личную свободу, воздавая кесарю кесарево и не более того.

Экзистенциализм, таким образом, отвергает покладистость «члена команды», сосредотачивается на конечной актуальности, а не на возможном, рекомендует обращать во благо все, что с нами происходит, и с готовностью принимает трудности, ибо они дают «глубину». Неудивительно, что сия философия вышла из моды.

Другим ключевым словом в экзистенциализме стал абсурд, и это опять же – продолжение стоической мысли. Если жизнь мелка и бессмысленна, то она – абсурдна. Философы подтверждают: век абсурда наступил.

Для Сартра, человека серьезного и даже торжественного, абсурд трагичен, им можно оправдать даже самоубийство, и, уж конечно, на его фоне счастье невозможno. Но другой экзистенциалист, Альбер Камю, заспорил: для него счастье на фоне абсурда не только возможно, счастье этим же абсурдом и обуславливается. В таком симбиозе счастье и абсурд взаимно укрепляют друг друга. «...Счастье и абсурд являются порождениями одной и той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой утверждать, что счастье рождается непременно

из открытия абсурда. Может случиться, что чувство абсурда рождается из счастья»⁷². Свою концепцию Камю доказывает на примере Сизифа, осужденного веками катить в гору камень, который каждый раз рушится вниз. Этот миф находит отклик в душе каждого человека, вынужденного работать, чтобы обеспечить свое существование: «...Сизиф учит высшей верности, которая отвергает богов и двигает камни. Он тоже считает, что все хорошо. Эта вселенная, отныне лишенная властелина, не кажется ему ни бесплодной, ни ничтожной. Каждая крупица камня, каждый отблеск руды на полночной горе составляет для него целый мир. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизиф следует представлять себе счастливым»⁷³.

К сожалению, экзистенциалисты были начисто лишены чувства юмора. Даже классический труд Камю об абсурде, «Миф о Сизифе», отличается все той же торжественной серьезностью, особенно когда речь заходит о самоубийстве. Заметим, что смерть самого Камю полностью соответствует законам абсурда. Он собирался вернуться в Париж из Марселя на поезде, но издатель предложил подвезти его на машине – и врезался в дерево. Камю умер в потерпевшем аварию автомобиле с неиспользованным железнодорожным билетом в кармане. Абсурдистская притча о том, что ждет человека, выбравшего вместо своего пути чужой маршрут.

Другие авторы сделали из предпосылок Сартра противоположный вывод: они сочли абсурд не трагичным, но комичным, это повод не отказаться от жизни, а почувствовать ее новую загадочную силу и остроту. Персонаж одной из пьес Сэмюэла Беккета замечает: «Нет лучше способа возвеличить Господа, чем от души посмеяться над его мелкими шутками, в особенности над плоскими». Этот персонаж – Винни – оказывается сперва погребена по талию, а затем – по шею. Пьеса называется (как же иначе?) «Счастливые дни», и Винни то и дело повторяет: «Ой, какой счастливый день, ведь это мог бы быть еще один счастливый день!»⁷⁴

4

Старое «я» и новая наука

Вы можете обладать всем, чем захотите, и стать кем сами пожелаете. Нет пределов возможному, достижениям, наградам. Вселенная – бесконечная конвейерная лента призов. Такими соблазнами чарует нас популярная психология, ежегодно обрушивая на публику тысячи книг с выразительными названиями: «Радости излишеств», «Вся жизнь в твоих руках – лучшая карьера», «Идеальный парень» и «Все прочее, чего вы тоже хотели».

Яркие обложки, длинные, зазывные названия, до мурашек по коже бодрый тон, а вся аргументация строится на трех предпосылках: счастье приходит с земными благами («Бог хочет, чтобы ты богател»), достигается простыми способами («Жизнь коротка – надень лучшие трусы: 10 простых истин, которые обеспечат тебе потрясающую жизнь») и, в-третьих, каждый, кто этим элементарным предписаниям последует, откроет в себе огромный, прямо-таки неисчерпаемый потенциал («Разбуди в себе гиганта!»). Популярная психология должна взять на себя часть вины за то, что взлелеяла в людях иллюзию, будто счастье (и самореализация) легкодостижимо.

С другой стороны, раздражение от фатовского оптимизма книг самопомощи привело к пренебрежению всей психологией как легкомысленной и пустой. На самом-то деле научная психология противостоит этой браваде и напоминает, что самореализация дается огромным трудом.

Горе-теоретики современного «я» приглашают «понять и преобразиться», в то время как психологи показывают, насколько непросто хоть что-то понять, о преображении уж не говоря. Любая попытка познать самого себя наталкивается на хитроумные уловки Id – «оно» пускает в ход и самообман, и самооправдание, и самодовольство. Нет иллюзии столь нелепой, ни оправдания столь иррационального, нет столь безумного самообмана, чтобы человеческий разум не решился прибегнуть к ним.

Иллюзорна сама идея счастья. Все и повсюду, независимо от возраста, пола, социального и имущественного положения, вычисляют свой уровень счастья выше пяти по десятибалльной шкале, и, что особенно удивительно, еще выше оказывается оценка ожидаемого счастья. Американский психолог Джонатан Хайдт утверждает, что подобные иллюзии распространяются и на собственные положительные качества: большинство европейцев и американцев ставят себе оценку выше среднего за самые разные достоинства, включая добродетель, интеллект и, конечно же, сексуальную искушенность. Это напомнило мне моих самодовольных коллег-преподавателей, и Хайдт подтверждает: «94 процента университетских профессоров думают, что качество их работы – выше среднего»⁷⁵. Разумеется, и я в том числе. Учителя в самообмане превосходят учеников: среди студентов лишь 70 процентов уверены, что преодолели средний уровень. Можно бы посмеяться, да вот беда: большинство моих коллег также полагают, будто обладают поразительным чувством юмора. По десятибалльной шкале у всех и каждого чувство юмора – выше среднего.

Но есть (как это обычно бывает) интересное исключение. Хайдт отмечает, что подобного рода самообман не столь распространен в восточноазиатских странах и полностью отсутствует в Японии. Неужели таково благоприятное влияние буддизма, старающегося рассеять туман иллюзий и ослабить привязанность человека к «себе»?

Но мы преувеличиваем только свои добродетели. Два психолога, Николас Эпли и Дэвид Даннинг, спросили участников эксперимента, как они поведут себя в игре на деньги: проявят

ли склонность к эгоизму или же к сотрудничеству?* В результате 84 процента опрошенных заявили, что лично они пойдут навстречу партнеру, однако от других такого поведения ожидало не более 64 процентов опрошенных. На деле готовность к сотрудничеству проявил 61 процент участников⁷⁶. Тут Будда с Христом сходятся: все мы лицемеры.

Утешает хотя бы то, что результаты исследований психологов по большей части подтверждают интуиции древних религий и философов, в особенности тот вывод, к которому давно пришли греки и который с тех пор повторяют едва ли не все, хотя он так и не сделался общепринятым: успеха и процветания мало для чувства счастья. Конечно, определенный уровень материального достатка нужен, чтобы обеспечить человека необходимым, как признавал уже Аристотель, но все, что сверх этого предела, мало повлияет на удовлетворенность жизнью. Эксперты не раз составляли график зависимости уровня счастья от дохода: поначалу кривая резко поднимается вверх, но затем идет горизонтально. Подобные графики составляются и для различных стран – опять же с ростом экономики «кривая счастья» круто идет вверх, но затем становится все более пологой, т. е. для народа в целом рост благосостояния столь же мало влияет на счастье, как и для отдельного человека. Мы наблюдаем этот феномен в историческом времени: из поколения в поколение Запад становится все благополучнее, а счастья никак не прибавляется⁷⁷.

Подтвердилась и другая идея Будды и Спинозы: если не поддаваться сиюминутным удовольствиям, можно в итоге до-

* Эпли и Даннинг использовали «дилемму узника». Участники эксперимента, не знакомые между собой, разбивались на пары. Не зная, как поведет себя партнер, человек должен был выбрать стратегию своей игры: играть сообща или попытаться «сорвать куш». Если напарник по игре тоже выбирал сотрудничество, оба получали хорошую сумму, но если он «тянул одеяло на себя», то альтруист «подставлялся» и не получал ничего, а эгоист оказывался в большом выигрыше. Если от сотрудничества отступались оба, оба получали незначительную сумму. В данном эксперименте было две группы участников, в которые людей распределяли случайным образом: одни спрашивали, как они поведут себя в предполагаемой игре, а другие участвовали в ней непосредственно.

стичь долговременного счастья. В 1970 году психолог Уолтер Мишел провел эксперимент с четырехлетними детьми: ребенка усаживали перед блюдцем с зефиром и предлагали потерпеть минуточку, пока взрослый ненадолго выйдет из комнаты – если к его возвращению зефирка еще будет цела, в награду малыш получит сразу две. Около трети детишек слопали зефир, едва оставшись одни, еще треть пыталась устоять, но в итоге в тот или иной момент уступала соблазну, а последняя треть продержалась и получила заслуженный приз. Встретившись с теми же детьми пятнадцать лет спустя, Мишел убедился, что терпеливые оказались успешнее во всем – и в учебе, и в личной жизни – в то время как те, кто не мог отсрочить удовольствие, на круг меньшего достигли, и к тому же у них начала проявляться алкогольная или наркозависимость, а также склонность притеснять других, т. е. подтвердила теория, согласно которой страсть к власти представляет собой разновидность алчности, и поддаются ей те, кто не достиг самореализации. Дальнейшие исследования обнаружили, что умение контролировать себя обеспечивалось не столько силой воли, сколько навыком отвлекаться от объекта желания, думать о чем-то другом, а не о зефирке на блюдечке⁷⁸. Приятно утешать себя мыслью, что каждый третий четырехлетка – маленький Будда, но, увы, эксперимент проводился в далеком 1970-м, до эпохи лихорадочного потребления. Боюсь, сейчас четырехлетние во мгновение ока сожрали бы угощение, а потом еще и пожаловались бы, что зефир оказался невкусным*.

Другой эксперимент подтвердил столь же давнюю теорию философов: чем больше получишь, тем больше хочется, мы движемся не от удовлетворения к удовлетворению, но от желания к желанию. Экономист Ричард Истерлин предлагал молодым людям назвать те потребительские товары, обладание которыми они связывают с представлением о хорошей жизни, а затем, шестнадцать лет спустя, он задал тот же самый вопрос

* Справедливости ради заметим, что этот эксперимент стал классическим в психологии и много раз повторялся. Пока что в выборках всегда находятся дети, которые съедают лакомство сразу, и те, что терпеливо ждут добавки.

тем же самим людям. Обнаружилось, что у всех заметно повысились запросы: телевизор, машина, дом, отпуск за океаном, бассейн, второй дом и т. д. – и чего бы им ни удалось заполучить, для полного счастья всегда требовалось что-то еще⁷⁹. Это исследование выявляло только отношение к потребительским товарам, однако тот же вывод будет справедлив и в отношении всех прочих объектов желания – социальных льгот, повышенной заработной платы, продвижения по службе, выходных, гурманской пищи и гурманского секса. Вновь вспомним Шопенгаузера: «Обладание или твердая уверенность в обладании тут же усиливает желание и таким образом увеличивается наша способность к дальнейшему приобретению и новым ожиданиям... приобрести нечто желанное значит понять, сколь суетно это желание»⁸⁰. Психологи называют это адаптацией, привыканением или гедонистической беговой дорожкой.

Мне кажется, что адаптация бывает и негативной: мы думаем, что станем менее несчастны, когда избавимся от неприятных обязанностей, но чем меньше мы делаем «неприятного», тем меньше хочется этим заниматься. Случается, что, ощущив невыносимую уже перегрузку, человек пытается как-то сократить круг своих повинностей, но очень скоро и половина их кажется уже непосильной. Мы ждем облегчения, но выходит, что оно превращает меньший объем работы в более сильный раздражитель.

По собственному опыту могу сказать, что привыканье распространяется не только на деньги, имущество, наслаждения, но даже на славу. Творческие люди часто говорят, что ищут лишь скромного признания – кому-то нужна публикация, кому-то – выставка или возможности выступать, – но стоит им достичь этого уровня, и они сразу возмечтают о большем. Верхний предел отсутствует: даже самых-самых знаменитых возмущает слабый писк единственного критика. Это стоит запомнить: даже самый неприметный из нас может довести звезду до исступления, если откажется присоединиться к хору льстецов.

Человек обладает поистине замечательной способностью к самообману, однако другая его способность еще более удив-

ляет: талант самооправдания – наиболее утонченный цветок на древе эволюции, изысканнейший плод человеческого разума. Когда человеку требуется оправдать свои поступки, он превзойдет разумом Эйнштейна, Шекспира – воображением, а казуистикой – генерала иезуитского ордена. Меня особенно впечатлил аргумент мужа, который терпеливо объяснял суду, что пинки и тычки, которыми он потчевал жену, из-за чего та угодила в больницу, служат доказательством жестокости не супруга, но самой жертвы: и правда, чтобы довести до рукоприкладства такого мягкого от природы человека, требовалась поистине ужасная, нестерпимая провокация. Заметим, что в роли подсудимого выступал человек в самом деле интеллигентный и чувствительный, известный поэт, прославленный как раз своей честностью, терпимостью и любовью к женщинам.

Классический эксперимент по самооправданию провел более полувека тому назад психолог Леон Фестингер. Ему удалось проникнуть в секту, верившую, будто 20 декабря 1954 года прибудет летающая тарелка и заберет с Земли истинно верующих, чтобы спасти их от катаклизма, который соответственно произойдет 21 декабря. Многие члены секты бросили работу, потратили сбережения и вечером 20 декабря собрались вокруг своего духовного наставника в ожидании избавления. Наступила и прошла полночь, летающая тарелка где-то задерживалась, тревога и недоумение нарастали. В 4:45 наставник, наконец, постиг смысл этого события (вернее, отсутствия такого): неколебимая вера членов секты обеспечила пощаду всей Земле. «Прибыло послание от Бога, в котором Он сообщал, что спас мир и остановил наводнение ради этой группы и благодаря тому свету и силе, которые несли избранные в мир той роковой ночью»⁸¹. Аллилуйя! Верующие пришли в экстаз, настоятельно зазывали к себе журналистов, чтобы поведать миру о чуде, а затем выбежали на улицы – продолжить миссионерскую проповедь.

Итак, даже бьющие в глаза доказательства не поколеблют веру, более того, они могут усилить и укрепить заблуждение. Именно для такого фокуса мысли Фестингер изобрел термин «когнитивный диссонанс». Разум не в состоянии выдержать

противоречие между двумя разнонаправленными убеждениями и попросту устраниет то из них, которое наиболее ему не- приятно. Все данные, противоречащие желанному убеждению, безжалостно отбрасываются, а те, что его подкрепляют, столь же некритично принимаются; если не будет доводов ни за, ни против, это уже рассматривается как довод за. Я сам был свидетелем подобного явления в Северной Ирландии в пору волнений. Ликующие националисты поделились со мной радостной вестью: мorg местной больницы переполнен трупами британских солдат, те буквально нашпигованы свинцом и т. д. «Но ведь ни в газетах, ни по телевидению ничего не было», – робко возразил я. Мои собеседники только усмехнулись столь наивному ответу. «Вот именно!» – многозначительно провозгласили они.

Ради самооправдания разум пойдет на любые уловки, даже самые сложные, и исказить воспоминания ему – легче легко- го. Все диктаторы понимают: чтобы подчинить себе грядущее, для начала следует изменить прошлое. Поэтому способность совладать с будущим принято доказывать, раздувая проблемы, которые довелось решать в прошлом. Весьма модно обвинять родителей в жестокости или небрежении, извлекая из обвинений двойную пользу: «обиженный» ребенок не только пред- стает героем, но и снимает с себя вину за какие-то еще остав- шиеся у него (как ни странно) несовершенства. О собственном дурном поведении с облегчением забывают. Ницше прекрасно понимал это. «Я это сделал», – говорит моя память. «Я не мог этого сделать», – говорит моя гордость и остается непреклон- ной. В конце концов память уступает⁸².

Создавать воспоминания, даже самые причудливые и не- правдоподобные, лишь немногим трудней, чем искажать их. Несколько миллионов американцев искренне верят, будто их похищали пришельцы⁸³. Клинический психолог Сьюзен Клэнси интервьюировала сотни людей с подобным «опытом» и нашла в их рассказах общий знаменатель: все они переживали сильный стресс, из-за чего возникало расстройство адаптации, затем оно дополнялось весьма неприятным нарушением сна – сонным параличом, – которое и объясняли впоследствии ино-

планетным похищением. Собственные проблемы переклады- вались на пришельцев. Женщина, страдавшая от сексуальной дисфункции, рассказывала: «Уверена, это связано с тем, что проделывали со мной существа. Я была объектом их сексуаль- ного эксперимента с раннего возраста»⁸⁴. Это крайний способ избежать ответственности – но тут хоть родители не виноваты. Одна беда: если инопланетяне доберутся до материалов Сьюзен Клэнси и поймут, что люди сделали из них козлов отпуще- ния, они могут ощутить себя невинными жертвами – т. е. у них будет полное право напасть на США.

Разумеется, «похищенные инопланетянами» знакомы с на- учными объяснениями своего опыта, но отказываются их при- нимать («Богом клянусь, если тут опять начнут говорить о сонном параличе, меня стошнит»). Они обретают поддерж- ку у товарищей по несчастью, пересказывая друг другу свои истории, и самооправдание срабатывает уже на уровне груп- пы. Описанное Сартром «мы-сознание» побуждает хвалить все «наше» и критиковать все, что делают «они». Деление на «мы» и «они» может быть основано на самых ничтожных различиях (порой их искусственно создают психологи в эксперименте), но давние различия действеннее, а наиболее сильны те, что обусловлены религией: помазанные свыше «мы» и проклятые свыше «они». Каждый, кто жил в зоне религиозных или на- циональных конфликтов, знаком с максимой: «Их злодеяния гораздо хуже наших», а наиболее рьяные адвокаты Дела пойдут дальше и заявят: «На самом деле наши злодеяния совершены ими, чтобы дискредитировать нас».

Насилие часто следует логике, по которой невинную жерт-ву нужно представить в наиболее презренном виде, чтобы сработало самооправдание и оттого усилились ярость и нена- висть. Чем беспомощнее жертва, тем яростнее атака и тем от- чаяннее потребность в укреплении морального превосходства. Диктаторы неизменно предстают в облике самоотверженных патриотов, радеющих исключительно о благе страны. Журна-лист Луис Менанд видел на Гаити дивный плакат Жана-Клода Дювалье, печально известного Бэби Дока: «Я готов предстать перед судом истории как человек, который раз навсегда даро-

вал Гаити демократию», с подписью: «Жан-Клод Дювалье, по-жизненный президент»⁸⁵.

Великие писатели понимали все коварство самооправдания. В «Войне и мире» есть один второстепенный вроде бы эпизод – он написан с такой жуткой выразительностью, что все еще стоял у меня перед глазами, когда я успел позабыть военные сцены. После битвы под Бородином русская армия, нарушив свою же торжественную клятву, оставляет Москву Наполеону, и каждый, кто сумел раздобыть хоть какой-то транспорт, бежит из столицы. Разъяренная толпа – люди чувствуют себя обманутыми, покинутыми на произвол судьбы – собирается у резиденции московского губернатора графа Растопчина. Хитроумный политик смекает, что потребуется козел отпущения, и велит солдатам привести из тюрьмы юношу, арестованного за распространение листовок с критикой правительства. «Этот человек, – кричит Растопчин в толпу, – тот самый мерзавец, от которого погибла Москва». Парень выглядит донельзя жалко: истощенный, в каких-то лохмотьях, ноги закованы в кандалы. И он еще рассчитывает на милость и правосудие. «Граф, – робко напоминает он, – один Бог над нами». Эти слова не смягчают Растопчина, скорее, они пробуждают в нем ярость. «Руби его», – кричит он своим людям, офицер бормочет команду и солдат-драгун наносит первый удар тупым палашом по голове. У несчастного вырывается крик боли и ужаса – и это его погибель. Словно по сигналу толпа бросается рвать его на части, и пока озверевшие москвичи приканчивают пленника, избивая его руками и ногами, губернатор благополучно скрывается в своей резиденции, а оттуда уносится прочь на проворных лошадях.

И там, в безопасности, начинается труд самооправдания. Сначала Растопчин чувствует отвращение к собственной труслисти и жестокости, в ушах у него звучат слова юноши о Боге. Но понемногу он убеждает себя в том, что поведение его было не только безупречно, но даже необходимо для общественного блага. Как частное лицо он вел бы себя по-другому, но главно-командующий обязан сберечь и достоинство своей должности, и свою жизнь как представителя власти. И вскоре Растопчин

готов уже поздравить себя с тем, как ловко он убил двух зайцев, покарал изменника и умиротворил толпу. К тому времени, как Растопчин добрался до своего загородного дома, он «совершенно успокоился»⁸⁶.

Но если человек способен оправдать в себе все что угодно, как можно надеяться на самопознание и преображение? Психологи утверждают, что иллюзии, самообман и самооправдание столь действенны, поскольку не осознаются. Если вывести их на свет, большую часть своей силы они утратят. Конечно, об этом же говорили Будда, Спиноза, Фрейд.

Однако психологи обнаружили дополнительную помеху благим переменам в заданной точке⁸⁷, которая представляет собой нечто вроде стандартной настройки или равновесного состояния «я». Шопенгауэр называл это «предопределенным» или «априорным характером»⁸⁸. Даже очень сильные благие или отрицательные воздействия: крупный выигрыш в лотерею или паралич – постепенно слаживаются. Действие самых сильных впечатлений длится не более года, от слабых мы оправляемся гораздо быстрее. Вот почему мы всегда переоцениваем воздействие каких-то грядущих событий: мы никогда не бываем счастливей или несчастней, чем видится заранее. Иными словами, природный темперамент всегда возвращает себе равновесие, человек почти ко всему способен привыкнуть. В знаменитом рассказе Кафки «Превращение» Грегор Замза спустя несколько дней после метаморфозы испытывает лишь незначительную досаду оттого, что превратился в насекомое, и зной себе носится по потолку своей спальни.

Но есть любопытные исключения, неподвластные гравитации заданной точки. Позитивный пример – пластическая хирургия: она вызывает приятные чувства, которые не блекнут со временем⁸⁹, так что зря я не обращаю внимания на подброшенные в почтовый ящик предложения увеличить пенис до таких размеров, чтобы заодно чесать им себе спину. Из негативных – никому не удается привыкнуть к громкому шуму. На первый взгляд кажется нелепым, но, поразмыслив, соглашаешься. Лично я считаю себя волевым человеком, способным выдержать сильное психологическое давление, но злобному

диктатору, который задумает меня сломить, довольно будет запереть меня в камере и включить на полную мощность рэп. Несколько часов такой пытки – и я предам жену, дочь, друзей и какие там у меня были светлые идеалы.

Заданная точка обнаруживает такую устойчивость, что многие считают ее генетически обусловленной. Дэвид Ликкен и Ок Теллеген занимались исследованием личностных черт и преобладающего эмоционального настроя нескольких тысяч пар близнецов и пришли к выводу, что субъективное ощущение благополучия у монозиготных близнецов вызывается сходными причинами и переживается одинаково, даже если они были разлучены в детстве и воспитывались по-разному, в то время как у дизиготных близнецов такое сходство обнаруживалось далеко не всегда. Вывод Ликкена бескомпромиссен: «Вариации заданной точки счастья у людей почти на 100 процентов обусловлены врожденными индивидуальными различиями»⁹⁰. Отсюда следует еще один вывод: «Пытаться стать счастливее – все равно что пытаться прибавить себе росту». В *The New Yorker* появилась карикатура: двое мужчин средних лет, одетые как на отдыхе, пьют коктейли на фоне бутафорского замка, и один говорит другому: «Сколько же лет я потратил зря, зарабатывая деньги, – знать бы заранее, что мне и так хорошо: я, оказывается, жизнерадостный от рождения»⁹¹.

Выводы Ликкена, однако, напрашиваются на некоторые возражения. Прежде всего, абстрактные понятия вроде психологической заданной точки практически не поддаются точному измерению. Далее, в исследованиях Ликкена не учитывались – и уж тем более не изучались – умышленные попытки испытуемого *сдвинуть* заданный уровень. Конечно, объекты исследования могли – подобно большинству людей – оказаться фаталистами по отношению к собственному темпераменту и принимать его как нечто должное и неизменное, но что, если кто-то сознательно, обдуманно, решительно и упорно стремится изменить «априорный характер»? Существует физиологический эквивалент психологической заданной точки – наши тела поддерживают состояние биохимического равновесия, гомеостаз, однако нейробиолог Стивен Роуз поясняет, что эта стан-

дартная настройка не представляет собой неких замерших на определенных отметках биохимических и физических данных, температуры и т. д.: «Заданные точки, относительно которых время от времени происходят микроколебания индивидуальных биохимических показателей, сами меняют свое положение на шкале в течение жизни человека»⁹².

Итак, если физические точки равновесия смещаются, отчего же не могут смещаться и душевные? Мы уже приводили примеры пластической хирургии и невыносимого шума в доказательство того, что подобная корректировка возможна. Недавние исследования подтвердили, что в течение жизни заданная точка счастья проходит подковообразную траекторию – начинает с верхнего пункта устойчивости, проходит в середине жизни через точку минимума и, как это ни удивительно, под конец жизни возвращается к свойственному юности высокому уровню⁹³.

Влияют и другие факторы, помимо возраста. Верующие люди счастливее безбожников, семейные счастливее, чем одиночки⁹⁴. Но нет ли тут путаницы в причинах и следствиях? Возможно, счастливые становятся лучшими супругами. А распределение различных стран по «уровню счастья» помещает бывшие коммунистические государства в самом низу таблицы, т. е. обещание массового счастья оборачивается массовой неудовлетворенностью.

Порой человеку все же удается извлечь нечто благотворное и из своего официального статуса. Так, профессиональный труд дает более высокий уровень удовлетворенности не потому, что он престижнее или лучше оплачивается, но потому, что человек может всецело контролировать свою работу. Профессионал обретает бесценный дар самодостаточности и личной ответственности.

Но в большинстве случаев статус не играет особой роли: человек может удовлетвориться ничтожной малостью, если всем остальным и этого не досталось – но снимите различия, и все будут несчастны. Профсоюзы имели все основания протестовать против отмены разрядов, ибо «уравниловка» и впрямь вызывает у работников искреннюю и глубокую скорбь. По этой

же причине повышение заработной платы может обернуться жесточайшими раздорами, ведь если кто-то в той же категории получил прибавку побольше, моя прибавка не просто незначительна, она – оскорбительна, ужасна, хуже штрафа. Не деньги нас волнуют, но обозначенный деньгами ранг. Когдато люди использовали деньги для повышения своего статуса, нынче деньги и есть сам статус.

И все же психология человека не так проста. Опрос олимпийских чемпионов показал, что бронзовые призеры в среднем счастливее серебряных⁹⁵. Как же так? Но «почувствуйте разницу»: бронзовый призер видит лишь огромный разрыв между собой, награжденным и всеми, кто остался без награды и *даже не приблизился к пьедесталу почета*, в то время как серебряный призер зациклен на единственной ступеньке, отделяющей его от вожделенного золота.

Там, где нет естественных различий, люди введут искусственные. Каждый район, каждая улица, чуть ли не каждый дом имеет свои точно откалиброванные градации социального превосходства. Не сомневаюсь, даже в стихийно возникающих трущобах есть свои аристократы – первопоселенцы, а новоприбывшие считаются подонками земли.

В век притязаний каждый стремится превзойти всех остальных, но традиционные символы превосходства – аристократическое происхождение, богатство, профессиональный статус, престижный район проживания – по определению труднодостижимы или доступны не всем. Приходится вводить новые формы иерархии, например кто-то крут и потому может смотреть сверху вниз на всех, кто не крут. Крутизна – дешевая форма эксклюзивности, доступная каждому, как и культурный снобизм (чем отличаюсь я). Превосходство над обывателями дается не только легко, но с ним и не поспоришь: вряд ли все так и ринутся толпой читать и превозносить Пруста (и меня сильно заденет, если чересчур многие последуют моей рекомендации и Марсель окажется всенародным любимцем). Но оставаться все время крутым – тяжкий труд, т. к. крутизна постоянно оспаривается подражанием масс. К примеру, татуировки – это было так круто, покуда они считались отметиной

опасных беззаконников, но вскоре почти каждая домохозяйка из пригорода уже подбирала чернильный узор для своей пухлой попки.

Не стоит и говорить, что потребительская культура давно подметила всеобщую жажду отличий и обеспечила мир искусственной эксклюзивностью в виде бренда. Гениальное изобретение: никем не одобряемый конформизм потребления удалось приукрасить его желанной противоположностью – оригинальностью. И люди послушно устремились к оригинальности одним и тем же путем.

Иной раз бренд запутывается в собственных противоречиях, поощряя всех желать того, что не каждый может себе позволить. Был случай, когда Burberry, марка одежды, сориентированная на образ зажиточного землевладельца, развернула очередную рекламную кампанию, чтобы привлечь новых покупателей, но потеряла свой консервативный имидж, поскольку эта линия одежды приглянулась футбольным фанатам. Однако в целом бренды процветают и потребители платят неслыханную цену за то, что призвано выделить их из толпы, хотя на самом деле даже формой потребления подтверждают свою принадлежность к массе. Безумные деньги тратятся в тщетных усилиях опередить всех или хотя бы не слишком сильно отстать.

Еще одно психологическое открытие – асимметричность эмоций: негативные эмоции сильнее и воздействие их длится дольше. Тут мы опять можем сослаться на авторитет Шопенгауэра: «Всякое удовлетворение, или то, что обычно называют счастьем, по существу всегда имеет лишь *отрицательный*, а не положительный характер»⁹⁶. Позитивные настроения – туристы-однодневки, а вот негативные эмоции – настоящие империалисты, которые только и мечтают вторгнуться на чужую территорию, покорить, завоевать, оккупировать. И главная задача оккупантов – переложить тяжелый и грязный труд на местных жителей. Вспомните, как овладевает всем вашим существом гнев, кормится всеми вашими душевными силами, побуждает разум искать для вас оправдания и законные доводы, извлекает из памяти полузабытые огорчения. А позитивные эмоции? Пролетят, словно бабочки, порадуют на мгновение и

скроются с глаз. Наше отношение к миру заведомо перекошено: благоденствия мы быстро забываем, а обиды храним вечно. Отсюда происходит одна из кардинальных проблем брака: чтобы загладить незначительный промах, требуются огромные усилия. Согрешить легко, а вот искупить вину... Джонатан Хайдт распространяет принцип на сферу финансов и азартных игр: удовольствие от выигрыша всегда будет слабее, чем боль от потери той же суммы. Плохое всегда воспринимается острее, чем хорошее. Впрочем, и эта догадка не нова, Шекспир нас опередил: «Дела дурные мы чеканим в бронзе, а добрые мы пишем на воде»⁹⁷.

Именно по этой причине тревожность и депрессия столь быстро становятся хроническими, оккупируют разум и заставляют его подкреплять негативные мысли столь же негативными чувствами. Психолог Аарон Бек описал несвятую троицу представлений, свойственную большинству склонных к депрессии людей: «Я никуда не гожусь», «Мир плох» и «Будущее безнадежно»⁹⁸. В унисон с троицей депрессивных мнений звучит квартет систематических ошибок мышления: персонализация (человек винит себя за невезение и дурные случайности), сверхобобщение (неприятности возводятся в ранг привычных закономерностей, человек кажется себе вечной жертвой), преувеличение (переоценка негативных последствий) и произвольные умозаключения (негативные выводы делаются при отсутствии фактов, подтверждающих эти заключения, или даже вопреки фактам). Бек создал собственную когнитивную терапию, которая учит пациентов замечать у себя ошибки мышления, записывать их и рассматривать как наезд со стороны одного из «банды четырех». Это психологический вариант буддистских и фрейдистских техник изменения себя через самопознание.

Независимо от Бека психолог Альберт Эллис создал собственную версию когнитивной терапии и окрестил ее рационально-эмоциональной поведенческой терапией. Подобная терапия предназначалась не для массы людей, страдающих депрессиями, но для еще большей массы страдающих от нереалистичных ожиданий. Несвятая троица Эллиса состоит

из трех калечащих душу долженствований: «Я должен преуспеть», «Все должны хорошо обращаться со мной», «Жизнь должна быть легкой»⁹⁹. Веру в эту троицу Эллис клеймит как «должновизм»*, как напрасную трату сил, даже более распространенную, чем обычная мастурбация. Как знакомы всем нам эти притязания! Первое долженствование – проклятие перфекционизма, второе – проклятие зависимости, третье – проклятие глупости. Мы бы гораздо меньше страдали и злились, если бы над улицами больших и малых городов денежно и нощно парили аэростаты с надписями: «Поражение естественное успеха», «Многие будут тебя недолюбливать, как ни бейся» и – выберем для этого самый здоровенный аэростат – «Мир живет не по нашим законам». Эллис пытается напомнить, что проблемы заключаются не в самих событиях, но в наших иллюзиях и реакциях, а их-то мы можем контролировать.

Конечно, мы узнаем в этих идеях принципы классического стоицизма: Эллис схож с Эпиктетом и своей позицией, и даже стилем. Оба они хорошо понимали лукавство сего животного – человека, – но верили в здравый смысл и презирали нытье. Оба отказывали в уважении своим прославленным предшественникам: Эпиктет именовал Эпикура злоречивым ублюдком, а Эллис примерно так же отзывается о Фрейде – мол, все, им сказанное, вздор и туфта¹⁰⁰. Возможно, этот здравый прагматизм – следствие трудной молодости. Эпиктет был рабом – Эллис не получал родительской заботы, а в годы Великой депрессии зарабатывал на жизнь тем, что скупал старые брюки и пиджаки и перепродавал их как костюмы. В академический мир он пришел поздно, на интеллектуальный сnobизм плевать хотел и публиковал книги с заголовками вроде «Как сделаться счастливым и в ус себе не дуть» или «Как не дать сделать себя несчастным и научиться не грустить ни о чем – ни о чём, я вам говорю!»

Когнитивная поведенческая терапия (КПТ) покуда не получила всеобщего признания. Клинический психолог Оливер

* Musturbation – от глагола долженствования must. В русской психологической литературе термин также переводится как «тирания долженствования».

Джеймс утверждает, что эффект ее скорее временный и даже косметический, глубоких проблем, в особенности тех, что тянутся из детства, она не разрешит¹⁰¹. Это, вероятно, справедливо. Будда, Спиноза и Фрейд согласны в том, что процесс самопознания и преображения требует долгого времени, так что несколько сеансов КПТ вряд ли могут радикально изменить жизнь. Но любая борьба с иллюзиями идет на пользу, и есть доказательства того, что люди, прошедшие КПТ, все же стали гораздо менее податливыми к самообману и самооправданию¹⁰².

Продолжая линию многих более ранних мыслителей, психолог Дэниэл Неттл выдвинул теорию, согласно которой смысл заключается в самой борьбе: «Нацеленность на счастье вложена в человеческий разум не затем, чтобы преумножить наше счастье, но чтобы придать нам движение»¹⁰³. Человек создан для борьбы, для стремления – с этим опять же согласны и Будда, и Спиноза, и Шопенгауэр. С присущей ему ясностью выражения Шопенгауэр формулировал: «...счастье не в химерах, счастье в моих желаниях, смело вперед!»¹⁰⁴ Нейропсихолог Антонио Дамасио утверждает, что это стремление проистекает из устройства нашей нервной системы: «Наша “экипировка” не предусматривает установления нейтрального, ни то ни се, состояния... Цель постоянного стремления к гомеостазу – обеспечить нечто лучшее, нежели нейтральное состояние жизни, состояние, которое мы, как существа мыслящие, именуем благополучием»¹⁰⁵.

Итак, мы рождены для стремления, причем для стремления именно к благополучию.

А стремление подразумевает длительное, упорное усилие, преодоление препятствий, многочисленные трудности и большую вероятность поражения. Если у нас в какой-то момент «все будет хорошо» без усилий, это ощущение продлится недолго. В 1970-е, еще до изобретения виртуальной реальности, философ Роберт Нозик придумал гипотетическую машину, которая создает жизнь, правдоподобную во всех отношениях, но лишь из приятных впечатлений. Нозик утверждал, что такая жизнь никого не устроит, ибо в ней отсутствует аутентичность¹⁰⁶. Быть может, вернее было бы сказать, что в такой жизни отсутствует усилие – ведь все хорошее надо еще заслужить.

5

В поисках Грааля

«НАКОНЕЦ-ТО НАУКОЙ УСТАНОВЛЕНО, ПОЧЕМУ МАЛЬЧИКАМ ПОЛАГАЕТСЯ ГОЛУБОЙ, А ДЕВОЧКИ ПРЕДПОЧИТАЮТ РОЗОВЫЙ»¹⁰⁷, – гласил заголовок в *The Times*. Оказывается, исследования подтвердили: гендерное различие в цветовых предпочтениях действительно существует. Но почему? Ныне в моде эволюционная психология, которая объясняет поведение человека механизмами выживания, возникшими еще в эпоху плейстоцена: «Девочки предпочитают розовое, потому что выживала та, которая находила больше ягод». Возможность не доисторической, а культурной обусловленности даже не рассматривается ни авторами исследования, ни бравшим интервью журналистом, хотя, надо признать, с культурными влияниями дело обстоит сложновато. Так, в *Ladies' Home Journal* за 1918 год сообщалось: «Общепринято правило: розовый для мальчиков и голубой для девочек. Розовый цвет, более сильный и решительный, лучше подходит мальчику, а более деликатный и бледный голубой – девочке». Культурологическое объяснение выглядит так: вкусы поменялись в XX веке, когда голубой цвет стал ассоциироваться с мундидрами и рабочей униформой, а розовый – с гомосексуальностью. Но теории культурной обусловленности вышли из моды.

Теперь все берется объяснять эволюционная психология. В том-то и беда с теориями: каждая Великая идея страдает манией величия и норовит захватить весь мир. Марксисты смотрели на все явления с точки зрения классовой борьбы,

фрейдисты под каждым кустом обнаруживали детскую травму, у феминисток господствует пол. Со временем любой «новый взгляд» становится помехой. Три великие идеи, которые я только что перечислил, вышли из моды, но освободившееся место заняли новые претенденты на мировое господство.

И многие старые претенденты все еще продолжают борьбу. Среди самых свирепых «империалистов» – мировые религии, ведь каждая религия по определению является Великой универсальной теорией всего. Тем, кто расположен к безграничной преданности бренду, религия предоставляет уникальную возможность для шопинга: все товары, интеллектуальные и духовные, в одном магазине и в одинаковой упаковке (достойное исключение из правила – буддизм). Как прекрасно – любая проблема тут же разрешается, на все вопросы есть готовые ответы.

Велико искушение поддаться системе, независимость мысли нас пугает. К тому же исследования доказывают, что верующие – счастливее. Так почему бы и нам не уверовать? Ведь можно верить, даже сознавая абсурдность своей веры. Пресловутый прыжок веры Кьеркегора был осознанным прыжком в абсурд.

Если же человек не готов к таким акробатическим номерам, приходится ему самостоятельно отыскивать и соединять идеи. «...Каждый должен кроить себе счастье на собственный фасон»¹⁰⁸, – говорит Фрейд. Английский философ Джон Армстронг назвал такой подход пандоксией¹⁰⁹ – откуда и брат звучный термин, если не из греческого. Приятно, когда интересуются вашими убеждениями, небрежно пожать плечами и ответить: «Я, конечно же, пандоксист». Но это не решает основную проблему: что отобрать, как смешать и, главное, как применить получившуюся смесь к повседневной жизни?

Идеи Будды весьма притягательны, но возможно ли прозрение для человека западного мира, где все насквозь пропитано четырьмя неблагородными истинами:

1. Мы не можем сидеть спокойно.
2. Мы не можем заткнуться.
3. Мы не можем уйти от одержимости собой.
4. Мы не можем перестать хотеть.

Ницше вдохновляет – но кто решится применить его идеи на практике? В нашем мире сверхчеловек проживет не дольше, чем христианин.

А может быть, все наши попытки вычислить правильную жизнь заведомо абсурдны, ведь лучшие наставники человечества предпочитали воздерживаться от того, что большинство считает жизнью? Мало кто из учителей обзаводился женой и детьми, да и от обязанности в поте лица своего добывать хлеб насущный они также были избавлены. Про Спинозу любят вспоминать, что он был шлифовальщиком линз, но всерьез этим ремеслом он занимался считанные годы. Что касается семейной жизни, Будда не просто покинул жену и ребенка – он удрал от них под покровом ночи: вот вам и благородный муж. Сократ остался, но не уделял жене с детишками ни капли внимания. О Конфуции немецкий философ Карл Ясперс суховато замечает: «Ни со своей женой, ни со своими детьми не был связан сердечными отношениями»¹¹⁰. Отношения Сартра с женщинами и вовсе предосудительны: его возлюбленная-экзистенциалистка Симона де Бовуар соблазняла юных, привлекательных и впечатлительных студенток, а затем передавала Сартру, который, натешившись, бросал их. Некоторые девушки так и не смогли оправиться от этого опыта. С осевого времени у многих мыслителей отмечается склонность к мизогинии, в особенности сильная у Шопенгауэра и Ницше. Так что могут эти женоненавистники поведать людям, которые трудятся ради заработка и живут ради семьи и детей?

И вообще философия столь сложна и уклончива, ее не ухватишь, не осмыслишь, а уж тем более не сумеешь применить. Она проходит сквозь разум, как ветер сквозь древесные кроны: налетит, взволнует, и, глядишь, листья вновь погрузились в привычную дрему.

Но, перечитывая спустя тридцать лет работы Эриха Фромма, я обнаружил поразительную вещь: мне казалось, я ничего не вынес из его книг, однако теперь натыкался на фразы, которые много раз почти дословно повторял самому себе и принимал за собственные мысли. Значит, идеи все же остаются в наших головах, пусть и полузабытые, и незаметно меняют

наше поведение. Я говорю не о сознательном усвоении и применении инструкций, как предлагает делать популярная психология, но о глубоком усвоении идей, которые на подсознательном уровне обогащают почву разума и приносят определенные поведенческие плоды. Выходит, до корней дерева тоже можно добраться. И эта мысль не нова. Сократ верил, что обсуждение таких понятий, как честность и справедливость уже делает человека честнее и справедливее; Будда считал, что понимание преображает человека, хотя предупреждал о перемене постепенной и незаметной. Так что думать полезно, даже когда нам не дают готовых инструкций и не обещают очевидных результатов. Особенно сильно влияние идей, которые проявляются в совершенно разных эпохах и культурах.

Американские психологи Кристофер Петерсон и Мартин Селигман поставили перед собой задачу узнать, какие добродетели считаются необходимыми для благой жизни. Они исследовали множество культур и традиций, пытаясь найти единодушно, повсеместно чтимые добродетели. Цель оказалась недостижимой, но шесть понятий люди называли с завидным постоянством: справедливость, человечность, умеренность, мудрость, отвага и духовность. Короткий и настолько предсказуемый список, что многие читатели начнут зевать – покуда не наткнутся на заключительную неожиданность: духовность, или «трансцендентное». Авторы исследования и сами признают, что это качество – «наиболее имплицитное в культуре»¹¹¹ – выпадает из общего ряда. Речь идет о цели и смысле (необязательно религиозных), которыми проникнута любая традиция, так что это не добродетель в строгом смысле слова: «духовность» не требует от человека определенного поведения.

Беда оставшейся пятерки – затасканность. Все заведомо согласны, что эти качества – благо, и «добродетель», увы, наевает скуку занудной праведностью и правильностью. При первом упоминании о ней люди засыпают в креслах, а потом вскакивают и удирают от докладчика подальше. И пусть исследователи доказывают, что без добродетели невозможна самореализация¹¹², – тот, кто призывает людей к добродетели, чаще всего зря тратит время.

Пожалуй, Петерсон и Селигман забросили чересчур широкий бредень, выбрав в качестве объекта поиска столь общее понятие, как добродетели, и решившись изучать самые разные традиции, включая даже пособия для бойскаутов. Если прочесывать все источники ради общего знаменателя, в результате, скорее всего, получишь банальность. Альтернатива – читать лишь самобытных мыслителей и стараться выбирать лишь увлекательные догадки. Вот в чем преимущество независимого поиска: нет задачи охватить все, станет скучно – можно переключиться. Любой мысли требуется эффект неожиданности, чтобы вызвать озарение, запомниться и начать действовать, чтобы она могла проникнуть и поселиться в душе.

Итак, если выясняется, что самобытные мыслители разных эпох предлагали сходные стратегии, это еще не гарантия общего знаменателя, но уже интересно. Сформулируем по-другому: имеет смысл заглянуть в ресторанчик, если его рекомендуют несколько *разных* путеводителей.

Радует уже тот факт, что подобные стратегии существуют, но есть и оборотная сторона: все эти стратегии счастья отвергнуты современным западным обществом. Основное достижение нашей эпохи: никогда еще самореализация не казалась доступнее и не была столь затруднена.

Вот какие темы постоянно всплывают в философии, религиозных учениях, литературе, психологии и нейронауках: личная ответственность, независимость, отстраненность, внимательность, вдумчивость, духовность, принятие трудностей, постоянные усилия и ясное осознание своей смертности.

Большинство этих концепций регулярно упоминаются мыслителями, некоторые из них приняты всеми. К примеру, на осознании своей смертности настаивает каждый, от Будды до Сартра, который считал, что лишь постоянное, напряженное осознание неизбежности смерти обнажает тщету привычек и разбивает корку рутинны – только смерть гарантирует нам полноту жизни. Но даже эту универсальную рекомендацию то и дело заметают под плинтус. Вуди Аллен стал гласом своей эпохи, заявив, что не пытается обрести бессмертие в творчестве, ибо он нашел более прямой путь к бессмертию: никогда не умирать.

А стоит появиться желанию, найдется и средство: надо есть побольше биоорганической черники и пить гранатовый сок.

Для эпохи легкости и беззаботности главным открытием будет мысль, что все ценное дается только усилием. Попытки найти легкие пути лишь усугубляют проблемы, которые пытаются таким способом разрешить. Поэт Райнера Марии Рильке предвидел нарастающее отвращение современного мира к усилиям: «Люди научились с помощью условностей решать все сложные вопросы легким и наилегчайшим образом; но ясно, что мы должны помнить о трудном. Все живое помнит о трудном...»¹¹³

Здесь слышится отголосок мыслей Спинозы и предвосхищаются открытия нейронаук. В другом письме Рильке поясняет, что трудности не столь благородны, сколь *необходимы*: «Напрасно вы называете преодоление трудностей своим долгом. Это инстинкт выживания – он побуждает вас идти вперед»¹¹⁴.

Идти вперед, чтобы выжить. Но беда нашего времени – стремление к ложным ценностям, в особенности подражание тем, кто обрел мирской успех. Человек – это хитроумная поисковая машина с большим запасом энергии, вот только параметры поиска и критерии оценки часто задаются неверно, а когда все должно направленные усилия не дают желанного результата, возникает соблазн вообще отказаться от усилий. Валяться под тропическим солнцем где-нибудь на Карибах, лоснясь от кокосового масла – чем не альтернатива?

Стремление и само по себе трудно, а тут еще и цель неясна. Эту жалобу повторяют на все лады начиная с середины I тысячелетия до н. э., когда человекообразная обезьяна нечаянно обрела сознание и принялась задавать вопросы, которые так и будут числиться по разряду FAQ на сайте Господа, когда Он удосужится его запустить. Этот период Карл Ясперс назвал осевым временем, ибо то была пора больших перемен в человеческом сознании: в Греции жил Сократ, на Ближнем Востоке проповедовали ветхозаветные пророки, в Индии учил Будда, в Китае – Лао-цы и Конфуций. Потребность и вместе с тем трудность поисков истины прекрасно выразил творец Екклесиаст: «И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и ис-

пытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем» (Еккл 1:13). Поиски истины обычно лишь удручают душу: «...и вот, все – суета и томление духа!» (1:14) Но поэт все равно не может отказаться от поиска: «Кто – как мудрый, и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просвещает лицо его, и суровость лица его изменяется» (8:1).

Ранние мыслители выражали необходимость усилия и стремления абстрактными понятиями, но в художественной литературе эта же тема зазвучала едва ли не раньше. С «Эпоса о Гильгамеше» начинает складываться богатая, непрерывная традиция литературы поиска и приключений: с X века до н. э. вплоть до «Волшебника страны Оз» – и далее в XX веке. Джон Кэмпбелл, специалист по мифологии, выявил насущность этой линии для всех эпох и культур. Основной сюжет чрезвычайно устойчив, повествования расходятся лишь в мелочах. Каждый эпос начинается с того, что герой слышит некий призыв, вынуждающий его оставить привычное, безопасное окружение и отважно проникнуть в неведомое. Там, на неосвоенной территории, он пройдет ряд испытаний, преодолеет множество трудностей, будет сражаться с чудовищами и получит магическую награду: золотое руно, принцессу, живую воду, священное пламя или эликсир вечной жизни. Он доставит этот приз из царства ужаса в обычный мир, на благо своей общины¹¹⁵.

Таков сюжет «Волшебника страны Оз», а за три тысячи лет до этой сказки – «Эпоса о Гильгамеше». Царствовавший в Междуречье Гильгамеш разочаровался в царстве и в жизни и отправился в путь, полный испытаний: и свирепые львы ему встречались, и люди-скорпионы, и прекрасная богиня, пытавшаяся удержать его соблазнительными предложениями, которые звучат весьма актуально:

Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник спрятай ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся...¹¹⁶

Но герой упорно продолжает намеченный путь, опускается на дно моря и срывает росток бессмертия. Конец, однако, далеко не счастливый, в голливудском фильме его пришлось бы изменить: стоило утомленному подвигами Гильгамешу прилечь отдохнуть, как заветное растение похитила змея, обретя тем самым вечную юность и лишив героя заслуженной награды. Обычный антигерой мифа – змея.

Кэмбелл утверждает, что в мифе отражено внутреннее путешествие: герой порывает с обыденным мышлением своего времени, отваживается проникнуть во тьму отвлеченной мысли, обретает в себе творческие силы, чтобы радикально измениться, и желает разделить свои открытия с другими людьми. Ценой великой опасности добывается награда: «Герой – это тот, кто приходит, дабы познать»¹¹⁷. Сюжет включает в себя четыре этапа: отбытие, испытания, награду и возвращение, которые можно соотнести с четырьмя целями искателя истины – отстранением, преодолением трудностей, пониманием и преображением.

Эти же четыре элемента присутствуют в обрядах инициации различных «примитивных» народов: сначала отделение от общины, затем ритуальное ранение, собственно инициация и возвращение в общину. Происходит это так: молодого человека уводят из деревни в лес или в пустыню, подвергают испытанию (обычно в результате на теле остаются шрамы, наглядные признаки взрослости), посвящают в таинства и позволяют вернуться к своим. Итак, чтобы стать взрослым, требуются те же четыре ступени: отстранение, преодоление трудностей, понимание и преображение. Наша культура, пожалуй, единственная, которая стремится растянуть отчество на всю жизнь. В современной западной версии герой останется при мамочке с папочкой, а все приключения сведутся к игре в EverQuest онлайн.

В историях Христа и Будды Кэмбелл также видит черты героической саги. Оба оставили свои семьи, ушли прочь, претерпели множество испытаний, в том числе сомнение и отчаяние, однако в конечном итоге достигли преображения и вернулись, чтобы поделиться добтым знанием с миром.

Организованная религия склоняет верующих к пассивному подчинению: на иконах Христос всегда горестно покорен,

а Будда изображен самодовольным квиетистом. Но если обратиться к первоисточнику, от пассивности не останется и следа. Оба учителя постоянно задавали вопросы, дразнили, провоцировали, сбивали с толку, сеяли смятение. «...Не мир пришел Я принести, но меч»¹¹⁸, – говорит Христос, а последними словами Будды были «стремится непрерывно»¹¹⁹.

В том-то и заключается проблема организованной религии: вдохновенные основатели учения становятся тяжким бременем для своих ограниченных последователей, которые норовят превратить идеи в догмы, принципы – в подробные правила, а открытия – в ритуал. Основатели отреклись от культа семьи – их последователи возвращаются к культу «своих». Основатели отважно шли в мир – последователи сидят дома. Основатели терзались сомнением – последователям всего дороже уверенность. Основатели обладали авторитетом – их последователям нужна власть. Основатели привлекают и убеждают примером – последователи навязывают и принуждают. Им удается порой извратить первоначальное учение до такой степени, что оно превращается в полную свою противоположность. В ирландской католической культуре – я был в ней воспитан – верующие, как священники, так и миряне, столь полно и последовательно искажали Новый Завет, что я готов был поверить: они и в самом деле его читали.

Отличный пример – неизменный наказ моей матери: во время мессы во что бы то ни стало занимать сиденье в передних рядах. Почтенные люди сидят ближе к алтарю, позади теснятся низшие, ее мальчику там не место. Что бы ответила мне матушка, покажи я ей текст Матфея (23:6), где фарисеев порицают как раз за предпочтение лучших мест в синагоге? Она бы очень рассердилась на мою дерзость и попытку умничать. Всю жизнь трудишься, чтобы детки поднялись в этой жизни хоть на ступеньку выше, а какова благодарность? Никакой!

Тема поиска и приключения пронизывает все виды культуры – религиозную и светскую, древнюю и почти современную, высокую и низовую. Многие из величайших творений XX века также относятся к «литературе испытания»: «Улисс» Джеймса Джойса – история обычного человека, который выходит в мир,

подвергается горестям и испытаниям и возвращается домой, к новой жизни. Огромная эпопея Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» представляет собой повесть об испытании длиной в жизнь, а в результате целью и смыслом как раз и оказывается сам процесс написания романа. Кафка придал этому сюжету современное звучание, объявив поиск бесплодным, а цель недостижимой: «Есть цель, но нет пути; то, что мы называли путем, – это промедление»¹²⁰. Так, вопреки всем усилиям не может попасть в замок его персонаж К., но ни К., ни другие измученные искатели Кафки никогда не сдаются. В девятую главу романа «Процесс» вошла притча «Перед законом»: некий человек явился из глубинки, чтобы предстать перед Законом, но суровый привратник не пускает его. Этот человек пробует различные методы: просьбы и подкуп, пытается втереться в доверие к привратнику – бесполезно, тот остается неколебимым. Проходят годы, и проситель, чувствуя близость смерти, задает последний вопрос: «Ведь все люди стремятся к Закону... как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?» И привратник, видя, что поселянин уже совсем отходит, кричит изо всех сил, чтобы тот еще успел услыхать ответ: «Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного! Теперь пойду и запру их»¹²¹.

В большинстве «квестов» рано или поздно становится ясно, что стремление бесконечно, однако вовсе не бессмысленно. Поэма «Логика птиц» суфийского поэта XII века Фарида ад-Дина Аттара – почти перифраз притчи Кафки. Птицы слетелись со всего света на собрание, но раскололись на партии, и среди них поднялся удод и разъяснил собратьям, что их губит отсутствие духовного руководства, каковое им может обеспечить Симург, и он же положит конец их амбициозным ссорам. Пусть все летят на поиски Симурга. Многих птиц столь дальняя и трудная дорога напугала, соколы предпочли оставаться в свите земных властителей, журавли – бродить по пустынным берегам. Уткам мил их пруд, боятся за свою жизнь хрупкие зяблики, слишком дорожат своими песнями соловьи. Но в итоге набирается группа крылатых паломников и летит через семь долин: Долину Поиска, Долину Любви, Долину Проникновения в Тайну,

Долину Отрешенности, Долину Единства, Долину Изумления и Долину Бедности и Небытия. В каждой долине птиц ждут опасности, испытания и искушения, а также они выслушивают поучительные истории. В том числе они встречают Иисуса, который говорит им: «Человек, который живет, но утратил стремление, обречен», и Сократа, который на вопрос учеников, где его следует похоронить, отвечает: «Если вы сумеете найти меня, то вы умны, а я глуп: я-то себя найти не сумел»¹²².

Наконец птицы добрались до дворца Симурга. Их осталось всего тридцать, они состарились в пути, измучились, оперенье на них пообтерлось, и высокомерный дворцовый страж, выпорхнув им навстречу, заявляет, что в подобном виде нельзя входить во дворец – пусть, мол, убираются восвояси. Но птицы требуют, чтобы их впустили, и в итоге добиваются права войти. Дворец и впрямь прекрасен, но он совершенно пуст, единственный предмет обстановки – зеркала. Птицы носятся по дворцу, смертельно разочарованные: неужели они проделали такой путь лишь затем, чтобы ничего не найти? Но малопомалу птиц охватывает непонятное ликование. Наконец они понимают, зачем здесь зеркала. Они все-таки нашли Симурга, они видят его в зеркале. Они и есть Симург («тридцать птиц» на фарси), и Симург – это они сами.

Это еще один способ высказать все ту же истину: поиск смысла и есть смысл, Путь и есть цель, испытание и есть Грааль.

На протяжении столетий люди вновь и вновь сталкивались с этой истиной и находили различные способы выразить ее¹²³. Один из лучших, на мой взгляд, способов – стихотворение Кафаисса «Итака».

Пусть в помыслах твоих Итака будет
конечной целью длинного пути.
И не старайся сократить его, напротив,
на много лет дорогу растяни,
чтоб к острову причалить старцем –
обогащенным тем, что приобрел в пути,
богатств не ожидая от Итаки.
Какое плаванье она тебе дала!

Не будь Итаки, ты не двинулся бы в путь.
Других даров она уже не даст.
И если ты найдешь ее убогой,
обманутым себя не почитай.
Теперь ты мудр, ты много повидал
и верно понял, что Итаки означают¹²⁴.

ЧАСТЬ III

Стратегии

Размытие ответственности

Студент не сдает вовремя работу, а затем пропускает и встречу с научным руководителем. Университет направляет студенту письменное уведомление: за курсовую ему поставлен «ноль». Теперь студент не просто является к научному руководителю – он врывается к нему в кабинет без приглашения.

– Вы должны принять мою работу несмотря на задержку, – с порога заявляет он.

– По какой причине?

– Потому что у меня РУВ.

– Какой еще РУВ?

– Расстройство управления временем. В мозге нарушен химический баланс, и я не могу соблюдать назначенные сроки и вовремя приходить на консультации.

Я изобрел РУВ шутки ради, совершенно позабыв, что современный мир не осмеешь: он сам – наилучшая пародия на себя. Профессор Джозеф Феррари из университета Де Поль уже настаивает на том, чтобы медлительность (прокрастинация) была признана клиническим расстройством¹²⁵ и включена в стандартное пособие психиатров, «Диагностический и статистический справочник психических расстройств» (DSM). Сей фолиант выдержал четыре переиздания, каждый раз обрастая новыми недугами: в последней версии их уже 297 – готовится пятое, с дополнениями. Появилось, к примеру, асоциальное расстройство личности (АРЛ) – «устойчивый стиль поведения, который заключается в неуважении и нарушении прав других людей; возникает в детстве или раннем отрочестве

и сохраняется во взрослом возрасте». Раньше это именовали эгоизмом. Выходит, пороку можно дать пристойное имя, назвав его болезнью и подобрав звучную аббревиатуру, и тогда, коли ваше поведение кого-то не устраивает, вы можете с возмущением заявить: «Да это же болезнь! У меня и диагноз есть!» Проводите через сколько много времени в Интернете? Так знайте же, что доктор Джеральд Блок из Орегонского университета науки и здоровья определил ваше состояние как клиническое расстройство: «Интернет-зависимость представляет собой распространенное заболевание, которое следует включить в пятое издание DSM»¹²⁶.

Лично я бы включил в пятое издание потребность искать заболевания (ПИЗ) – неконтролируемый зуд превращать всякое дурное поведение в расстройство.

Эти новые «заболевания» не могут не радовать фармацевтов, ведь чем больше недугов, тем больше и лекарств, и, словно в классическом примере обратной связи и культурной обусловленности потребностей, фармацевтические компании сами создают подходящие для их продукции недуги, придумывая диагнозы тому, что раньше считалось нормой. Так, прежняя застенчивость стала очередным расстройством – социальной фобией, недугом, который лечится «Паксилом» компании GlaxoSmithKline или «Золофт» от Pfizer. «Паксил» и «Золофт» были просто антидепрессантами, покуда производители не надумали предложить их в качестве панацеи от социальной фобии. Уровень продаж резко пошел вверх. Полагаю, какая-нибудь фармацевтическая компания проявит интерес к расстройству управления временем (РУВ) и выдаст свой лежащий товар за волшебное средство, которое активирует в мозге «центры срочности».

Приумножившиеся «расстройства» – лишь одно из последствий нынешнего желания во что бы то ни стало уклониться от личной ответственности. Никто теперь не желает признавать свою вину, каждый считает себя жертвой и, надо сказать, даже в самых вроде бы проигрышных обстоятельствах «жертве» удается настоять на своем. Некий З-Ун-Нун, возмутившись тем, что районный совет Ньюхема (Восточный Лондон) осмелился

требовать с него штраф за неправильную парковку, сам подал в суд на чиновников, которые-де причинили ему «моральный ущерб»¹²⁷. Более того – он выиграл дело, ему присудили по 5 000 фунтов компенсации за каждую штрафную квитанцию, всего 20 000 фунтов. Районный совет все еще думал, что это какой-то странный розыгрыш, но судебные приставы явились в служебные помещения совета с постановлением описать имущество и принялись отключать и снимать со столов компьютеры. Чтобы не прекращать свою работу, совет вынужден был заплатить.

Когда в последний раз мы слышали от кого-то слова: «Это я виноват»? Кажется, миновали века с тех пор, как Сартр произнес: «...я абсолютно свободен и ответствен за мою ситуацию»¹²⁸. Теперь все утверждают обратное: нет у человека свободы и он ни за что не отвечает.

Что же случилось? Идея личной ответственности – человек может и должен сам определять свою судьбу – лежит в основе современного общества, и большинство людей все еще принимают ее как аксиому. Однако теперь эта аксиома понемногу размывается и «сверху», и «снизу», под натиском и высоколобой, и массовой культуры: ученые, философы и писатели усомнились в свободе воли, а эпоха притязаний отвергла чувство долга. Наука создала святую троицу детерминизма: генетику (поведение обусловлено генами), эволюционную психологию (поведение обусловлено сохранившимися механизмами выживания) и нейронауку (поведение обусловлено особенностями строения мозга). Конечно же, большинство ученых дополняют свои выкладки уточнениями и оговорками, но все сноски печатают мелким шрифтом, зато прекрасно запоминаются заголовки: найдены гены, ответственные за депрессию, обжорство, преступные наклонности, гомосексуализм, а теперь уже и за тревожность¹²⁹, и за мужскую неверность¹³⁰.

А иные современные философы – например, Джон Грей, до недавнего времени профессор европейской философии в Лондонской школе экономики, – обходятся и без оговорок: «Есть множество причин для отказа от идеи свободной воли, и некоторые из них более чем убедительны. Если наши поступки

обусловлены, это означает, что по-другому мы вести себя не можем, т. е. не можем отвечать за свои действия. Свободным агентом является лишь тот, кто сам автор своих поступков, но мы-то – производные случая и необходимости. Мы не выбирали, какими родиться, и потому не можем нести ответственность за то, что делаем»¹³¹.

Заодно Грей отвергает идею прогресса, отбрасывает как вымысел все представления о морали, справедливости и об истине, исключает саму возможность разрешить мировые проблемы, зато утверждает неизбежность тирании, анархии, голода, эпидемий и в итоге – исчезновения человеческого рода. Добрый старый первородный грех приобрел в современной версии такую вот крайне манихейскую интерпретацию. В человеке имеется роковой изъян, мир несется к неизбежной гибели. Основная концепция осталась прежней, изменилось лишь представление о роковом изъяне: когда-то оно было Божьей карой, теперь – животной натурой, унаследованной от предков. Наш первородный грех – заложенная в генах программа.

Подобного рода детерминизм привлекателен для всех социальных слоев. Авторитарная элита подкрепляет им свою власть – надо же крепко держать в узде скотину-человека, – а человек может требовать к себе снисхождения как падшая и не властная в себе тварь. И верхи, и низы тем самым освобождаются от ответственности, ведь исправить социальные обстоятельства и личные наклонности одинаково невозможно.

А пытался кто-нибудь списать на детерминизм *хорошее* поведение? Доводилось ли вам слышать: «Таким уж я уродился хорошим, тут ничего не попишешь»? Почему-то детерминизм привлекают исключительно для оправдания дурных поступков. Хотя нет, я читал где-то анекдот о подсудимом, который пытался защищаться, ссылаясь на гены, и мудрый старый судья снисходительно кивнул: «Готов поверить, что ваши гены вынуждают вас нарушать закон. Но беда в том, что мои гены вынуждают меня его защищать. – И добавил с извиняющейся улыбкой: – Так что у меня нет выбора: вкачу вам по полной».

Отказ от личной ответственности Джон Грей обосновывает теорией бессознательных поступков. Он ссылается на

работу нейрофизиолога Бенджамина Либета, который якобы установил, что действие начинается за полсекунды до того, как в мозге сформируется сознательное решение действовать. И впрямь, большая часть наших поступков или даже почти все осуществляются без участия мысли. Возможно, это относится даже к принятию решений, т. е. к области, где вроде бы должен господствовать разум. В течение нескольких лет я преподавал теорию принятия решений, математические методы вычисления последствий целого комплекса взаимодействующих факторов. У меня зародилось подозрение (которым я благоразумно не стал делиться со студентами или коллегами), что вся эта теория – лишь ученая болтовня, еще один пример зависти к физике. Под конец я впал в ересь и стал твердить про себя, что подобные техники принятия решений никогда в жизни не пускал в ход ни один руководитель, да и вообще едва ли принятие решений осуществляется столь продуманно. Крамольные мысли подтвердили случай из практики. Будучи также преподавателем теории баз данных, я вошел в команду, которая выбирала новую систему управления базами данных – университет собирался внедрить ее в преподавание всех курсов по данному предмету, а также использовать для внутренних целей. Нам предлагалась на выбор продукция трех компаний, наша команда посетила все три, терпеливо высиживала затянутые презентации и задавала провокационные вопросы, но в итоге мы все так устали от обилия технических деталей (нет, разумеется, в этом никто бы не признался), что выбрали ту компанию, чья презентация нам понравилась больше всего. И в самом деле: их система управления базами данных завоевала рынок, а две другие провалились. Полезный урок: смотри не на товар, а на продавца.

В 1990-е годы эмоциональную основу принятия решений доказал Антонио Дамасио на примере пациентов с особыми травмами мозга: люди не могли испытывать эмоций, однако их умственные и логические способности сохранялись на прежнем уровне¹³². Казалось бы, избавленные от потока захлестывающих эмоций, они обрели дар принимать взвешенные решения исходя из логической оценки вариантов, но на самом

деле все обстояло иначе: больные не могли принять никакого решения вообще, сделать самый простой выбор. Они четко анализировали все за и против, но в отсутствие эмоций не в состоянии были что-то *предпочесть*. Значит, интуиция, или «чутье», является важнейшим фактором в принятии решения.

Опираясь на открытия Дамасио, Джозеф Леду сделал вывод, что мозг располагает двумя путями к принятию решения, так сказать, «нижним» и «верхним»¹³³. «Нижний» обходится без сознательных рассуждений: сенсорные данные обрабатываются миндалевидным телом, т. е. эмоциональным центром мозга. Это короткий, мгновенный путь к действию, контролировать его очень трудно, ибо порыв слишком силен, так что к этой ситуации более-менее применима теория Грея – Либета. Однако существует и «верхний» путь, через префронтальную кору мозга, центр анализа, планирования и сознательного принятия решений. Этот центр напрямую связан с миндалевидным телом, так что эмоции – Дамасио прав – все равно участвуют в процессе принятия решения. Но Леду установил, что префронтальная кора может взять верх над примитивными страстями амигдалы и часто отвергает ее желания, причем осознанная регуляция работы эмоционального мозга укрепляет префронтальную кору в целом.

Об этом говорит и Дамасио: «Мы признаем, что наш мозг все еще оснащен структурами, которые помогали человеку действовать в совершенно иных контекстах эпохи тому назад. Но мы можем научиться отбрасывать такие реакции и научить этому других»¹³⁴. Дамасио, что необычно для современного ученого, с энтузиазмом призывает людей пользоваться свободой воли: «Мы, люди... можем *сознательно* стремиться к контролю над своими эмоциями. Мы можем решить, какие объекты и ситуации допустить в свое окружение, на какие объекты и ситуации тратить время и внимание. К примеру, мы можем принять *волевое решение* не смотреть коммерческие каналы и рекомендовать разумным гражданам навеки изгнать этот фантом телевидения из своих домов»¹³⁵.

Выходит, нейронауки одобряют модели личности, описанные Буддой, Спинозой и Фрейдом, и поддерживают призыв Сартра к личной ответственности и свободе выбора.

Наука о мозге спасает нас даже от тирании генов. Мэтт Ридли, научный журналист, автор книг по генетике, пишет: «Одно из важнейших открытий последних лет произошло в науках о мозге: обнаружилось, что не только наши поступки зависят от генов, но и гены – от поступков... Словно зубцы шестеренок они реагируют на всякое впечатление органов чувств, они устроены так, чтобы различные события могли включать их и перенастраивать»¹³⁶.

Ридли приходит к однозначному выводу: «Свобода воли вполне совместима с мозгом, который обусловлен и полностью управляем генами». Тем самым он снимает с генетики главное подозрение – будто бы она одобряет эгоизм и грубую силу. Возьмем, к примеру, вопрос, живо интересующий многих посетителей зоопарка: почему у шимпанзе, которые заметно уступают ростом гориллам, яички в шестнадцать раз крупнее? И вот ответ: самцы горилл обзаводятся гаремами, им нужно быть крупными и суровыми, чтобы охранять самок, а особой мужской производительностью им обладать не обязательно, ибо у них нет конкуренции – достаточно иметь хоть какое-нибудь оснащение. Напротив, самки шимпанзе с легкостью переходят от одного партнера к другому, а значит, рассчитывать на потомство могут в первую очередь те самцы, которые способны часто и обильно производить сперму. Самцам шимпанзе требуются очень большие яички. Так что же лучше – быть большим и сильным, но с маленькими яичками, или маленьким, с виду безвредным, зато обладать огромными яйцами и взрываться, точно сверхновая звезда? Природа учит нас тому же, чему учили стоики: невзрачный с виду парень, ежели он не заморачивается по поводу своей внешности, глядишь, развлечется лучше рослого красавца.

Что же до эволюционной психологии, она утверждает, будто управляющие нашим поведением механизмы сложились в эпоху плейстоцена в результате естественного отбора и с тех пор прошло слишком мало времени, чтобы они успели существенно измениться. Подобное объяснение наших поступков звучит заманчиво-научно, однако доводы зачастую оказываются сомнительными, а фактов и вовсе нет. Эволюционная пси-

хология – как воля Божья – сама себе служит доказательством. Если все существует по воле Божьей, то поиск смысла сводится к поиску более-менее правдоподобных Божьих намерений, т. е. задачей становится подтверждение основной теории. Точно так же, если все наши мысли, чувства и поступки представляют собой плод борьбы за выживание, то надо для каждого феномена подыскать объяснение, зачем он мог понадобиться в процессе эволюции, а для этого требуется лишь капелька воображения, ведь о плейстоцене мы знаем ненамного больше, чем о небесных обителях. Я бы сказал, что и воображение – продукт борьбы за выживание, ведь тот, кто умел обмануть доверчивых глупцов, процветал в этом самом плейстоцене.

За каждую сторону в этом споре выступает свой Стивен, остается лишь выяснить, чей Стив умнее. Психодетерминист Стивен Пинкер полагает, что все люди предпочитают пейзажи с водой и зеленью, поскольку прачеловек бродил в африканской саванне¹³⁷. Правда, насчет универсального предпочтения я бы поспорил: Дюк Эллингтон ненавидел траву, она ему напоминала о кладбище.

Биолог Стивен Роуз возражает: если любовь к зеленым пейзажам существует, истоки ее следует искать в пасторальной ностальгии городского общества. В пользу этой теории я готов привести доказательство: где еще так ценят пейзажистов, как в южной Англии, сплошь обратившейся в бетон и асфальт?

Роуз не считает живой организм пассивным механизмом, на который изнутри воздействуют гены, а извне – среда. «Организм активно выстраивает свою среду, постоянно отбирая, поглощая и преображая окружающий мир. Всякое живое существо текуче, оно и *бытие, и становление*¹³⁸.

Подвергается сомнению и теория «предустановленного» мозга – оказалось, человеческий мозг чрезвычайно пластичен. Он вовсе не застыл «в готовом виде» миллионы лет назад, но продолжает меняться на протяжении всей жизни человека под влиянием внешних событий. И хотя, в целом, определенные участки мозга действительно отвечают за конкретные функции, все же тонкости исполнения у каждого человека будут свои. А в случае локального повреждения мозг способен соз-

дать новые нейронные пути, чтобы выполнять функцию, но уже иным способом. И, что особенно важно для нас, повседневная жизнь, любая наша деятельность, если она совершается с усердием и вниманием, порождает в мозге новые конфигурации. Когда нейроны вступают в сотрудничество, они закрепляют союз. У музыкантов, играющих на струнных инструментах, в мозге возникают более подробные схемы левой руки; у таксистов увеличивается гиппокамп, где накапливается пространственная информация; у созерцателей утолщается префронтальная кора, ибо эта область отвечает за внимание и сосредоточенность. К сожалению, менее полезные занятия: тревоги, навязчивые состояния, различные формы зависимости и дурные привычки – формируют свои нейронные ансамбли, которые со временем становятся настолько крепкими и самодостаточными, что разорвать их бывает крайне трудно¹³⁹.

Итак, в той форме детерминизма, которая приписывает определенные «расстройства» соответствующим «нарушениям химического баланса мозга», скорее всего, перепутаны причина и следствие. Если некоторым химическим состояниям мозга соответствуют какие-то типы поведения, возможно, само состояние мозга вызывается поведением, а не наоборот. К примеру, можно установить связь между дефицитом внимания и любовью к телевизору в раннем детстве¹⁴⁰.

Старое оправдание – «Я таков, каков есть» – не работает. Темперамент человека – результат взаимодействия факторов генетической наследственности, семейного воспитания и культурной среды, – безусловно, влияет на взгляды, поступки и настроения человека. Справиться с этой предрасположенностью, не говоря уж о том, чтобы полностью ее изменить, крайне трудно, потому-то психологи и говорят о заданной точке. Но помимо темперамента человек обладает характером. Темперамент – это «каков я есть», но характер – это «как я поступаю». Темперамент дается, характер куют. Каждый человек может восстать против диктата своего темперамента, и, если бунтарь будет достаточно упорно двигаться в другом направлении, со временем его поведение породит в мозгу новые связи. Своей слабодушной матери Гамлет заявляет: «Привычка *почти* спо-

собна изменить печать природы»¹⁴¹. Замечательно, гениально это «почти». Шекспир будто бы предвосхищал спор о «природе» и «привычке» и, как всегда, избежал определенности.

Увы, слово «характер» звучит так безнадежно-старомодно! Зачем веку притязаний характер, если он влечет за собой обязательства? Да здравствует идентичность, т. е. права! Идентичность можно обрести в деньгах, статусе и славе, но всего проще в принадлежности к группе – этнической, расовой, религиозной – или же в сексуальной ориентации. В особенности привлекательна чем-то «обиженная» группа: ее члены становятся «жертвами» и наслаждаются роскошью перекладывания вины на других.

Перекладывание вины – свежее решение главной современной проблемы: неспособности мириться с неудачами. Когда-то неудачи объяснялись таинственным промыслом Божиим, страдания обретали смысл, которому предстояло раскрыться, когда наступит полнота времен. А теперь неудачу можно осмыслять, отыскав виновника. Кто-то же должен нести ответственность, и уж никак не сам пострадавший. «Всякое случается» исключительно по вине «всякого», а не из-за меня. Пока фармацевты наживаются на лекарствах, создавая все новых «виновников» в виде свежеизобретенных расстройств, юристы столь же проворно обогащаются, жонглируя виной, словно мячиком. Медики тоже не остались в стороне. Недавно British Medical Journal запустил выдающийся проект: его авторы решили устраниТЬ из английского языка слово «случай». «Избавиться от вошедшего в привычку понятия будет непросто, – допускают они в августовском номере журнала. Но тем не менее: – BMJ постановил запретить слово “случай”»¹⁴².

Именно неспособность принять случайности и совпадения делает столь привлекательными теории заговоров. Эти теории наполняют смыслом (и даже «гламуром») все банальное и случайное, а чей-то безответственный недосмотр превращается в деяние зловещих тайных сил. Куда как приятней думать, что принцесса Диана погибла в аварии, подстроенной герцогом Эдинбургским, а Мэрилин Монро по приказу Роберта Кеннеди вставили отправленную свечку – печальная истина слишком мно-

гое нам поведала бы о личной безответственности: первую убил пьяный водитель, вторую прикончили алкоголь и наркотики. Основное затруднение состоит в том, что все перекладывают вину друг на друга, и никто не принимает ее на себя. Вот вам типичный для XXI века сюжет. Тридцатисемилетний Гэри Харт развелся с первой женой, расстался со второй, познакомился в интернет-чате с некоей Кристин Пантер и до 5 утра болтал с ней онлайн. Затем он на «Ленд Ровере» с прицепом отправился за триста километров, по пути уснул, съехал с шоссе на полотно железной дороги и вызвал крушение, в результате которого 10 человек погибли и 76 получили ранения. Харту (его любимое изречение «Я живу на скорости тысяча миль в час»¹⁴³) было предъявлено обвинение в создании аварийной ситуации, но в суде он отрицал, что уснул за рулем: мол, что-то сломалось в самом «Ленд Ровере» и этим была вызвана авария. Разбитый автомобиль только что не под микроскопом изучили – не было в нем никакой механической поломки. Харт отсидел пять лет; выйдя из тюрьмы, он принял участие в съемках документального телефильма об этом инциденте и в камеру повторил ту же мысль: он ни в чем не виноват, он сам – жертва. Фотографии изувеченных тел не вызвали у Харта ни раскаяния, ни простой жалости; какие-то человеческие чувства он обнаружил при виде превратившегося в металлом «Ленд Ровера»: «Я любил эту старую развалюху»¹⁴⁴.

Это, разумеется, крайний случай, но в былые времена подобное вообще было бы немыслимо.

С одной стороны, люди отказываются от ответственности, а с другой – все чего-то заслуживают. Каждый ныне заслужил хороший отпуск (не просто перерыв в работе, но заморское путешествие на известный курорт), студенты поголовно заслуживают более высоких оценок (вне зависимости от критерииев оценки аргумент всегда один: «Но я же потратил столько часов!»), работники заслуживают повышения (даже если совершенно не соответствуют требованиям следующего уровня), творческие люди заслужили признание (все написанное заслуживает публикации, все нарисованное – выставки, каждому артисту – по сцене для выступления), и каждый заслуживает

(в следующий раз – непременно) сердечного друга своей мечты, не вопреки всем прежним провалам, а именно потому, что до сих пор не везло – возможно, по вине самого страждущего, хоть он и отказывается от ответственности. Провал – устаревшее понятие. Никто не готов принять, что лишь немногие заслуживают высоких оценок или творческого признания, а сердечного друга чьей бы то ни было мечты в природе не существует. Нет, провал – слово запретное, непристойное. Мой собственный университет переплюнул инициативу British Medical Journal, постановив, что студенты, набравшие за модуль менее 40 процентов, считаются как бы и не проходившими этот курс – таким образом ненавистное слово «провал» полностью стирается, а неприятная ситуация объявляется как бы и не бывшей.

Полагаю, уверенность в «праве на притязание» сыграла свою роль в накоплении долгов. Произрастание этой философии в 1970-е годы точно совпало с ростом кредитов. Тебе причитается определенный уровень жизни, и одолжить денег, дабы получить желаемое, – все равно что потребовать свое по праву, тогда и возвращать эти деньги необязательно, а кредитор, пытающийся вернуть долг, – подлый злодей, преследующий неповинную жертву. Отношение к долгам – выразительный пример того, до какой степени могут меняться обычаи: не так давно долг чуть ли не приравнивался к греху, затем стал вынужденной неприятностью – нужно же приобрести дом, затем самым обычным способом обеспечить себе желанный уровень жизни, – и вот уже брать в долг сделалось столь естественным, что лишь глупец откажет себе в этом удобстве. Ныне карточный домик кредитов вырос до такой высоты, что достаточно было вынуть одно лишь звено, и всемирная финансовая система чуть не рухнула. Катастрофические последствия все единодушно свалили на банкиров. Банкиров на фонарь!

Беда в том, что все эти разросшиеся притязания сулят нам блаженство, а приводят к обратному. Век притязаний поощряет все три ипостаси несвятой троицы Эллиса: «Я должен преуспеть», «Все должны хорошо обращаться со мной» и «Жизнь должна быть легкой». Ни одно из этих «должен» не сбывается,

и вместо вывода о несправедливости своих претензий человек убеждает себя в том, что против него орудуют злобные, могущественные, тайные силы. И право на притязание оборачивается чувством горькой обиды.

Другое последствие притязаний – современный культ «разнообразия» и часто сопутствующая ему уверенность, будто требования любой группы людей равно справедливы. Хорошо бы не смешивать два вида разнообразия: разнообразие возможностей – оно принадлежит к сфере прав человека – и разнообразие этик, т. е. ценностных систем. Первое мы принимаем по необходимости, но зачем же бездумно выводить из первого второе? Пока мы требовали справедливости для меньшинств, страдавших от дискриминации по расовому, нациальному или гендерному признаку, а также из-за сексуальной ориентации, все было нормально, но «этическое разнообразие» – терминологическая нелепица. Если ценности других людей безусловны, отсюда следует, что относительны твои собственные ценности – проще говоря, это вовсе не ценности. Этический релятивизм неизбежно ведет к упадку духа, мы утрачиваем способность отстаивать свои идеалы и выносить этические суждения. Как только возникает конфликт, все смущенно бормочут, мол, своя правда есть и у той, и у другой стороны, а если конфликт – политический, то у каждой стороны – своя неправда («Оба они хороши!» – ворчим мы, глядя на соперничающих политиков). У нас на глазах люди принимают идиотские, ведущие к катастрофе решения, а мы их не удерживаем, мы же «не вправе вмешиваться», да и в любом случае «с советами никто не считается», «от споров одни неприятности», и, в конце концов, «что я-то смыслю во всем этом?».

Авторитетов больше нет, все перевернулось с ног на голову, и ныне дети запугивают своих родителей, студенты выставляют оценки учителям, а служащие эксплуатируют нанимателей.

В отсутствие устойчивых ценностей и принципов этика превращается в делячество: любые ситуации или отношения рассматриваются как частный случай, а этика – лишь средство разрешения проблем и заключения контрактов: прими это, и я признаю то.

Культ разнообразия нацелен на принятие и единение, а порождает сепаратизм. Группы, чувствующие себя ущемленными, винят в этом другие группы и желают во что бы то ни стало отделиться. Если группа организована по этническому или религиозному принципам, ей понадобится собственная страна или, по крайней мере, изрядный кусок от территории другой группы. Но сепаратизм тоже не решает проблем разделения, а лишь усиливает и обостряет их. Сартр описывал неприятные последствия деления на «нас» и «их», а психологические эксперименты подтвердили, что даже искусственные и произвольные разделения могут вызвать конфликт настолько серьезный, что моделировать их считается ныне слишком опасным. Одно из последних исследований провел в 1966 году Музафер Шериф. Он поселил группу одиннадцати-двенадцатилетних ребят в летнем лагере, и все дружно жили в одном большом доме. Затем Шериф разделил группу пополам, причем так, чтобы закадычные приятели оказались в разных половинах, и отвел каждой из вновь образованных групп отдельное помещение. Очень скоро один «дом» двинулся на другой, начались провокации и стычки, бывшие приятели возненавидели друг друга. В каждом доме появились собственные агрессивные вожаки¹⁴⁵. Так совершенно произвольное разделение привело к противостоянию, напряженность которого все усиливалась. Отсюда вывод: сепаратизм усугубляет те самые проблемы, которые брался решить, а когда из-за этого решают, будто желание автономии с самого начала было политической махинацией, это в свой черед подогревает сепаратизм.

Пожалуй, худшее последствие притязаний – постоянные обиды, укрепляющие общечеловеческую склонность к нытью. Насколько мне известно, никто из великих мыслителей никогда не одобрял нытья. Все, от стоиков до экзистенциалистов, объясняли бесплодность жалоб: разве нытье сделает кого-нибудь счастливее?

Часто возникает соблазн поверить, будто человек все-таки станет счастливей, если уклонится от ответственности или переложит ее на другого. Благодаря этой идее расплодились всевозможные консультанты, советники, инструкторы, гуру,

терапевты, душепопечители, личные тренеры и – неизбежное следствие – учителя жизни. В сатирическом романе Дона Делилло «Белый шум» жена повествователя преподает взрослым курс «Как стоять, сидеть и ходить», и этот курс пользуется таким успехом, что ее просят ввести и другую дисциплину: «Как есть и пить». Рассказчик удивляется, к чему учить взрослых общепонятным вещам, но жена поясняет: многим требуется, чтобы в них вселил уверенность «человек авторитетный»¹⁴⁶.

Может показаться, что такого рода ученичество – приятная роскошь, однако философы и психологи сходятся в одном: самореализация обеспечивается только через ответственность. Это было подтверждено знаменитым экспериментом: обитателям дома престарелых раздали комнатные растения. Жильцам первого этажа было позволено выбрать для себя растение и самостоятельно поливать его, а на втором этаже растения распределялись по усмотрению персонала и персонал же ухаживал за ними. Пациенты, которые сами заботились о растениях, сделались более подвижными и бодрыми, они чувствовали себя лучше и обходились меньшим количеством лекарств. Сходные результаты были получены и в других исследованиях, где обитателям дома престарелых предоставляли возможность самим выбирать кино для показа или же часы посещения. И наоборот, утрата контроля приводит к грусти и подавленности. (Я вот думаю, не изменились бы результаты эксперимента, если бы в нем участвовали убежденные стоики? Ведь осознание ситуации и принятие невозможности контроля – сами по себе форма контроля.) Еще выразительнее оказались отдаленные последствия того эксперимента с растениями: за полгода в группе пациентов, лишенных контроля, скончалось вдвое больше человек, чем в группе, ухаживавшей за растениями (30 против 15 процентов). Итак, личная ответственность – подчас вопрос жизни и смерти¹⁴⁷.

Чем более снижается личная ответственность, тем более укрепляется соглашательство. В 1955 году психолог Соломон Аш провел серию ставших классическими экспериментов: добровольцам предлагали простейший тест на подбор соответствий, и, предоставленные сами себе, людиправлялись в

99 процентах случаев. Однако в группе (целиком, за исключением испытуемого, состоявшей из помощников экспериментатора), которая в половине случаев настаивала на неправильном ответе, в 70 процентах случаев испытуемый принимал этот неверный ответ. Задним числом, когда участникам эксперимента разъяснили его суть и предложили оценить, как часто они шли на поводу у большинства, все до единого были склонны преуменьшать свой позор¹⁴⁸.

Безусловно, нас занимает активность мозга при соглашательстве: каким образом человек убеждает себя принять мнение, которое по собственному разумению он бы отверг? Недавно эксперименты Аша повторяли, но уже с одновременным сканированием мозга, и выяснилось, что неверные ответы под влиянием группы сопровождаются изменениями активности в тех участках мозга, которые отвечают за зрение и пространственное восприятие, но в областях, ответственных за мониторинг и разрешение конфликтов, никаких изменений не наблюдалось. Напрашивается жутковатый вывод: испытуемым и не понадобилось убеждать себя, они *и впрямь видели* то, что подсказывала им группа. Грегори Бернс, нейрофизиолог, руководивший этим экспериментом, заключает: «Мы все твердим, мол, поверить – значит увидеть, а на самом деле увидеть – значит поверить в то, что навязывает тебе группа»¹⁴⁹. Когда же испытуемый придерживался собственного мнения, расходившегося с мнением группы, возникала активность в тех участках мозга, которые отвечают за эмоции, т. е. автономия и оппозиция даются нам ценой стресса. Природа этого стресса проясняется в других экспериментах, в том числе во время споров между присяжными, когда меньшинство противостоит вердикту большинства (классический пример – фильм «Двенадцать рассерженных мужчин»). Меньшинство сумеет отстоять свою позицию и переубедить остальных, если проявит достаточное упорство, последовательность и гибкость без догматизма, но на любовь большинства меньшинству рассчитывать не приходится. Тот, кто стоит за правду или принцип, может добиться своего, но все равно прослынет странным и даже не совсем нормальным человеком.

Еще разительнее были результаты экспериментов Милгрэма на подчиняемость. Повинуясь суровому важному человеку в белом халате, участники эксперимента крутили ручку прибора, подвергая (как им было сказано) все более сильным ударам тока вполне приятного на вид человека средних лет, если тот неверно отвечал на вопрос. Перед экспериментом Стэнли Милгрэм собрал сорок психиатров и попросил их оценить, сколько людей примут требования «авторитета» без оглядки. По мнению специалистов, лишь один процент группы мог обнаружить склонность к садизму и потому использовать максимальный разряд электрошока. На самом деле 65 процентов испытуемых перешли рубеж в 450 вольт, хотя слышали, как их «ученик» просил о пощаде и даже кричал от боли. А когда участникам разрешалось перепоручить «исполнение наказания» третьему лицу, уровень «уступчивости» достигал 90 процентов. Единственное утешение – этот уровень резко падал до 10 процентов, если на глазах участников кто-то другой отказывался бить человека током¹⁵⁰. В очередной раз мы убеждаемся в силе примера, как хорошего, так и дурного.

Психолог Филипп Зимбардо посвятил свою жизнь изучению послушания и подчиняемости. Он изучал широчайший спектр ситуаций, от корпоративных отношений до исполнения приказов в нацистской Германии и пыток в иракской тюрьме Абу-Грейб. На его счету множество исследований, в том числе пресловутый Стенфордский тюремный эксперимент 1971 года, когда студентам предложили играть роли заключенных или надзирателей, и часть надзирателей с каждым днем проявляли все большую склонность к насилию. Зимбардо пришел к выводу, что перед влиянием группы можно устоять с помощью отстраненности (требуется трезвый, критический взгляд на вещи), смирения (признать собственные слабости и ошибки), внимательности (на смену обычной невнимательности должно прийти постоянное осознание происходящего), автономии (сохранить независимость даже внутри группы) и, главное, ответственности: «Мы лучше противостоим нежелательным социальным влияниям, если постоянно укрепляем в себе чувство личной ответственности и осознаем последствия своих поступков»¹⁵¹.

Мы видели, каковы последствия уклонения от ответственности – этого должно быть достаточно, чтобы понять, сколь насыщна личная ответственность, и отказаться от детерминизма и в теории, и на практике. Независимый, внимательный, скептически и критически настроенный человек, созидающий неблагоприятные личные и групповые тенденции, сумеет противостоять им сам и подвигнуть на сопротивление других. Человек – единственное животное, созидающее себя таковым, а потому обладающее свободным выбором не уподобляться скоту. Мы можем полностью владеть собой и не позволять, чтобы нами что-то овладело. Как сказала Кэтрин Хепберн Хамфри Богарту в «Африканской королеве»: «Природа – это то, над чем мы призваны подняться».

С принятия личной ответственности начинается формирование личного кодекса. В этом суть экзистенциальной философии. Разумеется, личный кодекс очень трудно отстаивать, а тем более абсолютизировать. Подчас его требования кажутся смешными, даже нелепыми. Так чего ради трудиться? Именно ради трудностей. Ради торжества над обстоятельствами и над собой. Говоря словами Флобера, «поскольку все альтернативы безумны, выберем по крайней мере наиболее благородную»¹⁵².

7

Отрешение от отрешенности

Вам нужно хорошенько сосредоточиться, чашечка двойного итальянского эспрессо могла бы подстегнуть утомленный мозг, но в итальянском кафе установили огромный экран и модели неустанно движутся там по подиуму, из колонок на максимальной громкости грохочет соул, две девицы за стойкой обсуждают свои фотки со вчерашней вечеринки: пронзительные голоса, еще более пронзительный смех. Выбирает смартфон: пришло текстовое сообщение от одного из нескольких тысяч виртуальных друзей. Вы заглядываете в электронную почту – по пути слегка отвлеклись на всплывшее окно с предложением трех эксклюзивных фотографий на выбор (мятежные девы рока, 100 самых сексуальных женщин Земли и кинозвезды, застигнутые в тот момент, когда с них спадают одежды) – так вот, заглядываете и обнаруживаете письмо от начальника (утром срочное собрание) и еще пять – от коллег, недоумевающих, что, черт побери, случилось.

Вы искали отрешенности, сосредоточенности, вам требовались хотя бы на время приватность и независимость, но мир проник в этот уголок, настаивая на своем: сливайся с другими, отвлекайся, сотрудничай, всегда будь на людях.

Образы времени:

Потная и растрепанная фигура на тренажере – бежит изо всех сил, чтобы оставаться на месте, и при этом смотрит на большом экране открытый чемпионат Франции по теннису, а в наушниках звучит рок-группа Primal Scream («Первобытный вопль»).

Женщина в кресле у парикмахера пролистывает фотографии со свадьбы знаменитостей в журнале Hello!, покуда ей моют волосы и одновременно делают массаж головы, одним ухом она прислушивается к болтовне радиодиджея, в другое – вливается печальная повесть парикмахерши: ее парню удается достичь эрекции, лишь придушив ее чуть не до потери сознания («Он бывший военнослужащий, во всем виноват Афган»).

Молодой человек раскинулся на диване, попивая водку с Red Bull, он смотрит жесткое порно, пока ему энергично отсасывает коленопреклоненная блондинка.

Всякий, кто не пытается делать три дела одновременно, не живет полной жизнью, не извлекает никакой пользы из века синхронных множественных отвлечений и перманентных множественных связей: мира мультизадачности, гиперсылок – всепроникающего мира Интернета.

Вокруг нас все больше гаджетов, которые непрестанно привлекают к себе внимание, и соблазны их все более вкрадчивы. Телевизор и ноутбук давно держатся со своим владельцем запанибрага и ведут себя так, словно прекрасно изучили его характер и вкусы. Телесервис то и дело предлагает мне посмотреть до смешного неуместные программы, а сайт, на котором я заказываю книги, имеет наглость заявлять мне, человеку разборчивому и привередливому: «Майкл, прислушайтесь к нашим рекомендациям». Что дальше? Им осталось только говориться. Смартфон подключится к навигатору моего автомобиля и предупредит: «Слушай, этот осел считает себя гурманом по части вин, обожает "Сансер" и готов часами рассуждать о грейпфрутовых нотках и приятной терпкости. К тому же он скупердяй, присоединяется к винным клубам, когда там предлагают акцию для новичков, а затем отказывается от членства. Мне так *неловко* рассылать его извещения об отказе! Так вот, предупреди его, что в торговом центре (следующий поворот налево) дюжина бутылок "Сансера" продаются по цене десяти, а когда он согласится войти в торговый центр, сообщи, что в книжном отделе три тома из серии Penguin Classics продаются по цене двух. Наш парень сноб не только по части вина, но и по части культуры: перед солидностью эти толстых черных книжек он не устоит».

Новые отвлечения ждут нас в самих магазинах. Вслед за виртуальным и реальный мир превращается в лабиринт гиперсылок, где каждое развлечение окружено множеством указателей, ведущих к очередному аттракциону. Без смартфона с текстовыми сообщениями и электронной почтой уже не обойтись, ведь он обеспечивает нам вход в виртуальное пространство, возможность отвлекать других и отвлекаться самому в любом месте и в любое время. Содержание сообщений не так важно, важен сам факт подключенности. Подобно тому как наслаждение шопингом отделилось от самих покупок, а радость путешествия – от посещаемых мест, так и отвлечение само по себе сделалось целью, независимо от того, что именно для него служит.

Постоянное пребывание в вихре потенциальных событий вызывает у человека чувства восторга и собственной значимости, будто он держит под контролем кризисную ситуацию. Многозадачность создает ложное ощущение продуктивности, а деятельность в потоке вмешательств – ложное ощущение расторопности.

Психологическое исследование информационных работников – программистов, аналитиков, управляемцев – показало, что в среднем эти специалисты прерываются раз в три минуты. Но что более любопытно, они отвлекаются сами ничуть не реже, чем их отвлекают со стороны¹⁵³. Постоянные отвлечения сперва превратились в норму, а затем и в потребность, и теперь, если человеку не мешают, он сам мешает себе.

Какое воздействие оказывает на мозг постоянное рассеивание внимания? Прежде всего нужно отметить, что многозадачность столь же разрушительна, как и прочие формы алчности. Психологи, подробно изучившие этот феномен, отмечают: «Внешне многозадачность может показаться более целесообразной, однако в итоге этот стиль работы требует больше времени»¹⁵⁴. Нейрофизиологи, просканировав мозг человека в режиме многозадачности, пришли к еще более радикальному выводу: последовательно два задания выполняются быстрее, чем одновременно. Одновременные задания обрабатываются префронтальной корой, а она способна сосредоточиться лишь на одном деле зараз¹⁵⁵.

Разумеется, никого эти открытия не отпугнут, в том числе и меня: прежде я дочитывал книгу до конца и лишь потом начинал новую, но теперь все чаще оставляю книги недочитанными, и закладки – обрывки газет – так и торчат из них.

Постоянные переключения внимания в конечном итоге сказываются на состоянии мозга. Ученые обнаружили, что людям в возрасте от тридцати пяти до тридцати девяти лет интернет-раздражители практически не мешают сосредоточиться на когнитивных заданиях, в то время как у людей в возрасте от восемнадцати до двадцати одного года они вызывают существенное снижение работоспособности¹⁵⁶. Есть подозрение, что у подрастающего и постоянно отвлекающегося поколения необходимость то и дело обрабатывать внешние помехи препятствует полноценному развитию префронтальной коры. Этот отдел мозга, который отвечает за планирование, регуляцию и контроль сознательной психической деятельности (по сути, он и есть «я»), созревает в последнюю очередь и полностью формируется уже после окончания отрочества – в том числе и по этой причине подростки часто оказываются под влиянием «оно»: тинейджеры капризны, импульсивны, требовательны, неблагодарны и драчливы. Итак, отвлечения и гиперссылки не только мешают нашему «старшему диспетчеру» работать, но могут и не дать ему правильно развиться. Бесконечные отвлечения ослабляют префронтальную кору – и, напротив, регулярная медитация ее укрепляет¹⁵⁷.

Сколько ни сетуй, а уйти от помех невозможно. Мы создали новую среду – текст, густо пересыпанный гиперссылками. Устаревают и уходят в прошлое даже понятия государственных границ. Аэропорты, вокзалы, офисные здания, гостиницы и больницы выглядят одинаково – эдакие мини-города с просторными, хорошо освещенными помещениями (высокие потолки и открытое пространство – непременно), где предлагается самый широкий спектр товаров и услуг. И города становятся, с позволения сказать, пористыми, зоны личной жизни, работы, шопинга, еды и питья свободно перетекают друг в друга. Новые районы, например Доклендз в Лондоне, организуются уже по этому принципу. Современные архитекторы от

«пещер» переходят к «пастбищам», размывая границы между внутренним и внешним, работой и отдыхом, публичной жизнью и частной.

Уединение воспринимается негативно. Даже прозрачные перегородки в офисе с открытой планировкой – это уж чересчур, новые рабочие места вовсе не разгораживаются друг от друга. Ультрамодное рекламное агентство Mother в ультрамодном лондонском районе Шордич может претендовать на то, чтобы его главный рабочий стол длиной 76 метров внесли в книгу рекордов Гиннесса. И от устаревших делений на этажи агентство тожеказалось, использовав вместо них уклоны и скаты, словно в многоуровневом гараже.

На другом конце Лондона Музей естествознания приглашает посетить в новом здании, на постройку которого ушло много миллионов фунтов, необычную экспозицию – научные сотрудники музея, занятые повседневной работой: их выставили в витринах точно чучела животных. И возможность обзора важна не только интеллигенции: концерн «Роллс-ройс» предлагает миру полюбоваться через стекло на линию сборки своих автомобилей. Во многих ресторанах кухня теперь размещена так, чтобы едоки созерцали работу шеф-повара, а в самых престижных ресторанах гостей за дополнительную плату пускают поесть на кухню. В клевых местечках подешевле убрали отдельные столы, теперь все едят на скамьях и диванчиках, словно в школьной столовой.

За этой общей трапезой, разумеется, подаются блюда кухни «фьюжн», и на заднем плане звучит фьюжн-музыка, и одеты все в модном стиле фьюжн и зарабатывают на это недешевое удовольствие благодаря столь же эклектичному образованию: новые университеты с негодованием отвергают саму идею обучать студентов французскому или истории *по отдельности* – пусть изучают Наполеона. Музеи также отказались от устаревшего распределения экспонатов по периодам или стилям – гораздо заманчивее представить Сезанна в «диалоге» с концептуальным искусством. (Полагаю, диалог строится примерно так: концептуальный шедевр: «Боже, какое *старьё!*» Сезанн: «Боже, какое *деръмо!*») И с какой стати запирать искусство в музеях?

Артистические «вкрапления» появляются теперь в самой обычной архитектуре, на вокзалах играют струнные квартеты, балерины танцуют в универмагах, театральные труппы дают представления в торговых центрах, а писателей теперь можно найти отнюдь не только в университетах, но и в тюрьмах, музеях, больницах, футбольных клубах, корпорациях, отелях и зоопарках.

Все смешивается со всем. Лозунгом дня сделалась «синергия» – псевдоученный термин для мешанины.

Представьте, что кто-то сидит сам по себе в комнате без телевизора, радио, компьютера и телефона; двери закрыты, жалюзи опущены. Он, должно быть, опасный буйнопомешанный или преступник, приговоренный к одиночному заключению. А если он пошел на это добровольно, он точно какой-то лузер, боящийся общества, или свихнувшийся студент – того и гляди ворвется в колледж с рюкзаком боеприпасов за спиной, поливая всех без разбора автоматными очередями.

Вышеупомянутый «Диагностический и статистический справочник психических расстройств» определяет отрешенность как «расстройство деперсонализации», ощущение, «будто человек отрешен от собственного тела или своих психических процессов и наблюдает их со стороны». Итак, человек, способный на отрешенность, – душевно больной и его едва ли вообще правомочно рассматривать как личность.

А ведь все мыслители от Будды до Сартра считали способность отрешиться ключевой предпосылкой душевного здоровья. Христианские мыслители также отдавали дань отрешенности, ее пылко восславил в XIII веке монах-доминиканец Мейстер Экхарт: «Я прочел многие писания, и языческих учителей, и пророков, и Старого и Нового Завета, и со всяческой строгостью и усердием искал лучшую и высшую добродетель... И когда я углубляюсь во все то, что об этом написано, докуда может доходить мой рассудок с его свидетельством и суждением, то я не нахожу ничего иного, чем чистую от всего созданного свободную отрешенность»¹⁵⁸. Экхарт ставит отрешенность выше смирения, милосердия и даже любви, любопытным образом поясняя такое предпочтение: «отрешенность вынуж-

дает Бога прийти ко мне». Выражая ту же идею нерелигиозным языком, мы могли бы сказать, что отрешенность от мира вынуждает мир приблизиться. Парадокс заключается в том, что осознанная отрешенность оборачивается глубочайшей вовлеченностью. Так, человек отступает прочь от картины, чтобы хорошенько ее рассмотреть.

Трудно отрешиться от мира, но еще труднее отрешиться от самого себя. Наша культура всеми силами противится отрешенности человека от самого себя, вместо смирения она подсовывает нам самомнение («чувство собственной ценности»). Занизженная самооценка, гласит аксиома современности, есть корень всех бед, в особенности таких социальных зол, как насилие, сексуальные преступления и академическая неуспеваемость, а высокая самооценка – ключ к решению любых проблем, как личностных, так и социальных. В США действует даже Национальная ассоциация повышения самооценки (NASE), которая ставит себе целью «улучшить положение людей путем повышения самооценки» – вот и еще одно доказательство того прискорбного факта, что наш мир больше не нуждается в пародии. В популярной психологии выделяется уже самостоятельный жанр – советы насчет повышения самооценки: «Самооценка: ваша главная сила», «Научитесь ценить себя за десять дней», «Библия самооценки». Когда-то сказочные персонажи (не из симпатичных) задавали вопросы зеркальцу и напряженно ждали ответа. Но с веком вопрошания покончено, и теперь нам предлагается каждое утро выкрикивать в зеркало желаемое. Продавец пусть кричит: «Я так умею убеждать, я продам все, что захочу», начальник: «Я так умею повелевать, все будут мне послушны», а влюбленные могут твердить: «Я всех краше и милей, я вызову бессмертную страсть в том, кто мне понравится».

Беда с самооценкой заключается в том, что она не признает ценностей и принципов, да и усилий не требует. Самоуважение, – казалось бы, разница не велика, но Бог в деталях – подразумевает какие-то успехи, за которые человек и будет себя уважать – но для самооценки в нынешнем ее понимании от человека ничего не требуется, это он вправе требовать от дру-

гих. Самоуважение строится изнутри, самооценка – извне. Уже Спиноза проводил такое разграничение: «Самоудовлетворенность не прощается вне нас и приписывается лишь тому, кто справедливо и беспристрастно ценит свое совершенство, не имея в виду уважения к себе»¹⁵⁹. Самооценке присущ нарциссизм, она превращает мир в зеркало, которое должно отражать желанный ей образ, а потому от нее нет действительной пользы, хотя мало кто теперь это понимает. Понимал Альберт Эллис (см. его книгу «Миф о самооценке»¹⁶⁰), понимает группа американских психологов, которая суховато подытоживает: «Мы не обнаружили никаких доказательств того, что огульное поощрение высокой самооценки у детей и взрослых, которое якобы необходимо им, чтобы стать самими собой, приносит какие-то выгоды обществу сверх удовольствия, которое извлекают участники этой игры»¹⁶¹. Собственно, эти же психологи предостерегают: раздувание самооценки может сильно усугубить проблемы, которые она назначена решать. Когда мир не соответствует ожиданиям человека с высокой самооценкой – а мир, он такой, не всегда проявляет любезность, – разъяненный самооценщик прибегает к насилию, чтобы все-таки подчинить себе мир. Очевидный пример – понятие уважения в нынешней молодежной культуре. Прояви недостаток уважения – например, толкни соседа в очереди за гамбургерами, – и тебя запросто пристрелят. Другой пример: многие родители считают своим долгом внушать детям безоговорочную уверенность. К несчастью, спутница такого рода самооценки – слабое самосознание. Дети вырастают, так и не заметив собственных слабостей и недостатков или, хуже того, вообразив, что эти изъяны добавляют им привлекательности. Как сказал горбун в анекдоте: «А мне это идет!»

Психолог Оливер Джеймс, исследовавший депрессию, заинтересовался таблицей Всемирной организации здравоохранения, которая отражала уровень эмоциональных расстройств в различных регионах мира за годичный период. Верхнюю строку в таблице занимали США – уровень стресса 26,4 процента, а нижнюю – Китай (Шанхай), всего 4,3 процента. Судя по таблице, более высокий уровень депрессии присущ высо-

коразвитым регионам, но Шанхай-то как раз большой и высокоразвитый город. Джеймс отправился в Шанхай, чтобы разобраться в вопросе на месте, и обнаружил, что ключевым отличием было отношение к самооценке. В Америке все, начиная с правительства и школ и заканчивая родителями и авторами популярной литературы, стараются раздувать в людях самооценку, но Китай все еще придерживается конфуцианской этики, которая учит видеть свои недостатки. Более того, американская самооценка нуждается в подтверждении внешним успехом, а китайцы довольны уже тем, что к чему-то стремятся. Джеймс также приводит данные исследований, исходя из которых наиболее агрессивные американцы отличаются «грандиозной» самооценкой и склонны прибегать к насилию, если кто-то ее не признает¹⁶².

Печальная ирония: раздувание самооценки затеяли для того, чтобы упрочить ощущение благополучия и снизить агрессию, а в результате получили депрессию и насилие. Детям «помогали реализовать их потенциал», всячески восхваляя их таланты – в результате потенциал резко падал или ребенок отказывался пользоваться им. Лучше бы родители переняли китайский подход и хвалили детей за старание, а не за наличие или отсутствие талантов.

Психолог Кэрол Двек провела эксперимент: она дала нескольким сотням нью-йоркских школьников тест и половину группы затем похвалила за старание («Видно, что ты как следует поработал»), а другую половину – за смекалку («Сразу видно, какой ты умный»). Затем ученикам предложили выбрать второй тест – на том же уровне, что и первый, или более сложный. Из тех, кого хвалили за старание, 90 процентов выбрали более сложный текст, а «умники» точно таким же большинством предпочли легкий вариант. Сама формулировка одной-единственной короткой фразы похвалы производит сильнейший эффект – и мы вновь убеждаемся, что полезнее было бы сосредоточиться на процессе, а не на результате. Двек полагает, что «умники» побоялись уронить свою репутацию, в то время как те, кого хвалили за работу, отважились учиться на собственных ошибках. Затем ребятам предложили для срав-

нения посмотреть другие работы – тех, кто справился лучше, или тех, у кого получилось хуже. Опять-таки «умники» чуть ли не поголовно предпочли сравнение с более слабыми, которое укрепляло их самооценку, а ученики из группы «стремления» захотели познакомиться с лучшими работами, чтобы осознать собственные ошибки. После ряда тестов результат группы «стремления» улучшился на 30 процентов, а «умники» снизили первоначальный результат на 20 процентов¹⁶³.

Итак, путь к успеху лежит через осознание ошибок. Самое разумное – сконцентрироваться на своих недостатках, но нам так трудно разглядеть себя в истинном свете! От осознания собственного ничтожества разум отшатывается столь же проворно, как от мысли о грядущем своем исчезновении. Требуется волевой, противоречий природе человека акт, прыжок антиверы, чтобы увидеть свое настояще «я» – жалкое, испуганное, дрожащее, неуверенное в себе. Наш внутренний гигант на самом-то деле – трясущийся от страха карлик, и вдобавок карлик невротичный, полоумный, жадный, злобный, изуродованный. Все, что отличает наших карликов друг от друга, – природа и уровень самообмана (конечная цель которого – уничтожить следы собственной изобретательности).

Как всегда, имеется и хорошая новость: в героической задаче изучить свою истинную и негероическую природу мы не остаемся без помощи. Литература изобилует напоминаниями о нашей комической сущности. Например, Шекспир подмечает: «Дурак считает себя умным, а умный признает себя дураком»¹⁶⁴. И еще одна благая весть: самопознание освобождает и даже веселит душу. Еще один премудрый парадокс: чтобы пробудить в себе гиганта, нужно осознать в себе карлика.

Тот, кто подлинно взыскивает отрешенности, должен вместо несвятой троицы принять святую – уединение, молчание и покой, – отвергнув современную религию суматошности, которая видит смысл жизни в тусовке, движении и шуме. Суматоха – это жизнь, повторяют адепты новой веры: уединение, тишину и покой они приравнивают к смерти.

Слово «уединение» даже звучит как-то архаично, будто речь идет об аскетических подвигах отцов-пустынников, принимав-

ших обеты целомудрия и носивших власяницы. Когда команда психологов предложила людям расположить различные виды деятельности по степени предпочтения, «проводить время в одиночестве» устойчиво оказывалось на второй строчке снизу – хуже только «получать выговор от начальника»¹⁶⁵. Причин может быть несколько. Например, как и отрешенность, одиночество пугает. Наедине с собой не уйти от незначительности, уродства, пустоты, которые мы так стараемся скрыть. В отношениях зависимый партнер истолкует желание другого уединиться как отвержение или неспособность поддерживать компанию и примется манипулировать, запугивать, вторгаться в личное пространство – все что угодно, лишь бы любимый не смел отделяться от него. Кроме того, есть требования родственников, коллег и друзей – последние две категории оказались особенно значимыми. В том же психологическом опросе «проводить время с друзьями» заняло верхнюю строчку, причем с большим отрывом.

Кто-нибудь уже брался за исследование современного понимания дружбы? Мне кажется, что молодые люди обзаводятся все более широким кругом знакомств, проводят все больше времени в компании; все чаще общаются на расстоянии и придают этим друзьям больше значения, чем родителям и даже спутникам жизни. Американский поэт и философ Роберт Блай изобрел термин «братская община»: по его мнению, сложилась культура полузврослых людей, которые избегают ответственности и зрелости, живут в нарциссическом довольстве собой благодаря принадлежности к «братьству»¹⁶⁶. Один из наиболее популярных сериалов-ситкомов называется «Друзья» – «друзья», собственно, и предлагаются на замену старой семьи: та была слишком требовательной и доставляла много хлопот, а новый вариант сулит лишь постоянное придурковатое веселье, причем никому не грозит повзропеть и покинуть дом.

Члены «братьства» нуждаются в постоянном общении, и современные технологии с радостью обеспечивают их всем необходимым: мобильными телефонами, скайпом, устройствами для передачи текстовых сообщений, электронной почтой, чатами и социальными сетями. Складывается впечатление,

будто нынче каждый дружит с каждым и все постоянно поддерживают общение со всеми. Звезда нового телевизионного реалити-шоу Тила Текила прославилась тем, что предложила соревноваться за свою любовь двум командам по шестнадцать человек – мужчинам-гетеросексуалам и женщинам-лесбиянкам («Борьба за любовь с Тилой Текилой»), – и ее блог приобрел уже 1 171 920 читателей¹⁶⁷.

Современная тенденция: обращать все большим количеством друзей и все больше делиться с ними. Для частной жизни почти не остается места. До недавних пор как-то неудобноказалось публично обсуждать секс, но теперь переживания последней ночи пересказываются поутру столь же естественно, как новостные программы, и в этом – основная причина упадка силы и славы секса. Рухнуло последнее табу – деньги тоже сделались предметом общей беседы (хотя если бы из этого воспользовалось уменьшение силы и славы денег, можно было бы только порадоваться).

Новые формы досуга имеют параллель в труде, то бишь в «сотрудничестве». Новому кумиру уже посвящены десятки книг вроде: «Ресурсы толпы», «Мы умнее, чем Я», «А вот и все», «Мудрость толпы», «Викиномика: как массовое сотрудничество изменяет все», «Мы-думаем: массовая инновация, не массовое производство» (Чарльз Лидбитер и 257 прочих авторов). Командный дух конца прошлого столетия разился в такую вот форму сотрудничества. Адвокаты «сотрудничества» воспаряют в видениях будущего человечества – единой гигантской команды, радостно хлопочущей над множеством увлекательных новых проектов. Новые формы сотрудничества успешно внедряются на телевидении: реалити-шоу все чаще отдаются на суд и управление зрителей. Онлайновое телевидение полностью основано на такого рода сотрудничестве: аудитория непосредственно влияет на содержание сериалов и даже принимает в них участие.

К странным итогам привел индивидуализм – вера в индивидуальность почти иссякла.

Но мыслители все еще пытаются доказать, что искупление приходит не извне, а из самой личности, которой, чтобы сбиться с силами и что-то в себе изменить, необходимо по-

быть в одиночестве. Вновь вспомним Рильке: «Есть только одно, что необходимо нам... <...> Быть одиноким, как это с каждым из нас бывает в детстве, когда взрослые ходят мимо, и их окружают вещи, которые кажутся нам большими и важными, и взрослые выглядят такими занятыми, потому что тебе непонятны их дела»¹⁶⁸. Одинокий ребенок интуитивно считает и дела, и разговоры взрослых пустым занятием, но постепенно вырастает и втягивается в тот же бизнес и ту же болтовню, забывает заколдованный мир детства. Мир требует, чтобы мы погрузились в него с головой, но есть род счастья, ради которого надо уберечь внутри себя нечто ценное, как ребенок бережет свою тайну от назойливых родителей. Умение беречь свой внутренний мир возвращается в одиночестве, и, если нам удастся уйти от шума, годы спадут с наших плеч и нам доведется пережить нечто похожее на то детское счастье. И оттого, что современники не одобряют одиночества, оно может принести нам еще более острый восторг, как нечто запретное, недозволенное, по ту сторону – все равно что нюхать кокаин, но без лишних расходов, криминальных связей и страха попасть в тюрьму или заработать себе болячку.

Наше тайное «я» обеспечивает нам защиту от мира, и этот доспех тем надежнее, что спрятан внутри и никому не видим. Кольчуга, оберегающая не тело, но душу.

И тишина. «Научи нас участью и безучастью, / Научи нас покою», молится Элиот¹⁶⁹, но его молитва осталась без ответа. Активность и подвижность – таков призыв нашего века. Деятельность всегда ценилась превыше безделья, но одержимость движением – это уже что-то новое. Неутолимое беспокойство овладело всеми, а тут и транспорт подешевел. «Я хочу путешествовать», – заявляет теперь чуть ли не каждый эдаким торжественным тоном приобщенного к тайнам. Куда, зачем? Спроси – и тайна развеется, останется лишь раздраженное недоумение, ведь манит не желание увидеть те или иные места, а лишь потребность движения, страх застояться на месте. Мы, словно акулы, живем только в движении. И еще одно сходство с морским хищником: улыбка притворная, зато оскал настоящий. Американская культура кадит движению словно всеоб-

щему спасению и искуплению. Тебя постигла неудача? Не беда, отправляйся в другое место и воссоздай себя заново как Великий Гэтсби. Если Гэтсби из тебя и не выйдет, движение само по себе освежит, ведь движение – это физическое выражение возможного.

Эпитет «динамический» воспринимается теперь как хвалебный. Динамика прекрасна, статика ужасна. Что будем делать с домами, с этими неуклюжими кубиками, приросшими к земле? Современные архитекторы пытаются создать для небоскребов хотя бы иллюзию движения. Сексуальное современное строение гнется и потягивается, вертится, изгибается, разваливается на куски, куда-то порывается – то ли в плавание, то ли в полет, уже летит или даже пляшет, как «Танцующие башни» Захи Хадида в Дубае, похожие на трех подгулявших подростков в субботнюю ночь. Остается превратить иллюзию в действительность: пусть здания и в самом деле движутся. Архитекторы из «Динамической группы» (как же иначе!) разработали для Дубая башню с вращающимися этажами – обитатели этого небоскреба пребудут в движении, даже сидя у себя в гостиной перед телевизором.

Наша любовь к отпуску и отдыху – лишь прикрытие для мании движения, впрочем, и мода на дачи – тоже. Конечно, в любви к даче оказывается ностальгия по романтике перво-поселенцев: собственный участок земли, все впервые, освоение новой территории, но подсознательно радует, что отныне придется все время перемещаться между двумя домами. Наше представление о счастье – бесконечные каникулы, а еще лучше – череда сменяющих друг друга отпусков. Все больше спрос на подобное счастье, и все разнообразнее становится индустрия туризма: тут вам и секс-туризм, и экстремальный туризм, экотуризм, космический туризм, наркотуризм, туризм по трущобам, а теперь еще темный туризм – на сайте *Lonely Planet* активно рекламируется «паломничество по местам убийств, катастроф и преступлений». Приобретайте тур в «сердце тьмы» – экскурсию по германскому концлагерю, по камбоджийским полям смерти или в темницы рабов Западной Африки.

Вместе с тем движение создает иллюзию дела, манtra «Я хочу путешествовать» звучит словно «Я хочу действовать». Деятельность – еще одно средство, ставшее целью: всякое дело дает нам передышку в тревожности, иллюзию собственной полезности. Но мыслители издавна превозносили покой и бездеятельность. Цицерон приводит слова Катона: «Никогда ты не деятелен так, как когда на взгляд со стороны сидишь без дела, никогда не менее одинок, чем в уединении с одним собой»¹⁷⁰. Для надписи на футбольке рекомендую более короткую версию современного, как ни удивительно, американского поэта Чарльза Райта: «Не фиг суетиться, посиди спокойно»¹⁷¹.

И ведь как сядешь спокойно, так и начнешь получать удовольствие. Удивительно умиротворенно чувствуешь себя в зонах ожидания, даже в аэропортах и приемных больниц, где приходится порой терпеть по несколько часов – и это в наше бешено-нетерпеливое время. Даже на табло объявлений никто лишний раз не взглянет, и это радует.

Труднее противостоять покушениям на тишину. Уже в 1880-е французский поэт Жюль Лафорг воскликнул с отчаянием: «Современный мир вступил в заговор, чтобы уничтожить тишину»¹⁷². Что бы сказал он о мире, где музыка звучит повсюду – в барах и кафе, в ресторанах, отелях, супермаркетах, бутиках, в автобусах и поездах, в холлах, лифтах и туалетах? Скоро уже и пописать в тишине станет тщетной мечтой. Нет безопасного убежища. Годами в приемной моего зубного врача единственным развлечением были зачитанные, давно лишившиеся обложек журналы, и вдруг я прихожу и натыкаюсь на музыкальный центр за стойкой регистрации, телевизор в приемной, а непосредственно в операционной включено радио. Каждое святилище осквернено. Даже рыба в океане сходит с ума от шума. Если верить *The Journal of the Acoustical Society of America*, «с 1960-х уровень шума в глубинах океана повысился десятикратно».

Самое мерзкое – консервированная музыка в *книжных магазинах*. Стоишь, листаешь томик китайской поэзии – мудрец поднимается на гору, дабы там погрузиться в раздумья, – и вдруг в уши врывается оглушительный мотив. Изменились

и стилевые предпочтения. Раньше в общественных местах включали фоновую музыку, по природе своей ненавязчивую, а в книжных порой звучали барочные квартеты – от них никакого вреда. Теперь же врубают грохочущий соул, рок, ударные и басы (любит же наша эпоха мелодии без начала и конца, одноблочные, бессмысленные повторы). Покончено со способностью сосредоточиться, покончено и с самой музыкой: она сделалась постоянным, уже не воспринимаемым шумом, столь же осмысленным, как воркотня холодильника.

Покончено и с библиотеками – во всяком случае, в прежней их роли прибежища тихого и единственного чтения. Каково нынче работать в читальном зале под невозбранную болтовню, смех, звонки мобильников, а затем на конференции библиотекарей услышать от министра культуры – культуры, черт побери! – что библиотеки слишком «тихи и мрачны», а следует наполнить их «беседой и весельем»¹⁷³. Министр культуры воображает, что «в библиотеках должны завязываться реальные социальные контакты». Пусть тут проводят семинары, помогают исследованиям семейной генеалогии, преподают иностранные языки и, конечно же, собирают группы чтения. Теперь уж и книжку не почитать без поддержки группы.

Только зря министр культуры опасается мрачного молчания читальных залов. Последний раз, когда я заглядывал в библиотеку своего университета, она больше смахивала на бар субботним вечером.

И рабочее место уже не свято. Мой коллега, с которым я сижу рядом, включает музыку, едва я выхожу, а при мне воздерживается лишь из страха, что я оторву клавиатуру от своего компьютера и забью ею бедолагу до смерти. Много толку: парень в соседнем кабинете врубает музон на полную громкость, а «кабинеты» нынче одна видимость – нас разделяет лишь картонная перегородка. Как я уже говорил, наш век не спародируешь: недавно я прочел в газете, что BBC установила в чересчур тихом офисе «болтающий прибор, производящий успокоительный искусственный шум». Поставили аппарат после того, как служащие пожаловались, что «тишина мешает им сосредоточиться».

После трудового дня и борьбы с коллегами за тишину я возвращаюсь домой – в гостиной орет телевизор, в кухне надрывается радио. Кто? *Кто-о-о-о?* Моя племянница, которая в настоящий момент принимает второй душ за день. Придя домой, она первым делом включает все, что включается, и отправляется в ванную. Затем она усаживается за уроки – под радио, как и все нынешние студенты. Говорят, это помогает ей сосредоточиться. Из спальни для гостей выходят мои взрослые гости в халатах и с изумлением следят, как я готовлюсь отправиться в постель. В их спальне отсутствует радио, а без него не уснуть. *Можно им?..*

Служащие не могут работать в тишине, учащиеся не могут учиться в тишине, гости не могут уснуть в тишине.

Разумеется, повсюду распространившаяся фоновая музыка – это уже не музыка в привычном смысле слова. От нее никто не ждет удовольствия, ее едва ли слушают, она нужна лишь затем, чтобы нарушить тишину, а тишину во что бы то ни стало требуется нарушить, ибо она служит напоминанием о глубоком молчании миров, о чем-то далеком, холодном, бесчеловечном и страшном. И вот человек приходит домой и привычным щелчком включает радио и телевизор, точно так же, как зимой включает на ночь обогреватель, и по той же самой причине – чтобы не замерзнуть.

Значит, те, кому нравится молчание, и сами холодны, далеки от всех, бесчеловечны. Этим безумцам только и остается, что перечитывать поэтов, Хуана Рамона Хименеса например: «Единство – благородная дочь тишины, раздор – безумная падчерица шума»¹⁷⁴.

Как бы страдал бедняга Хименес в современной Испании! Мы с друзьями поехали отдохнуть на испанский курорт. Мой друг хотел обсудить со мной свою научную работу, но, разумеется, в пансионе укромного уголка не найдешь. Пошли поискать бар, где спокойней. Было 11 утра, бары еще оставались по большей части пусты, но громкая музыка доносилась из каждого. Наконец мы отыскали бар без музыки, сели, заказали кофе, но едва я открыл рот, как в уши мне ворвался неистовый грохот поп-диско – хозяин счел своим долгом включить

стереосистему. Друг бросается к барной стойке, выразительно гrimасничая, умоляя: нельзя ли выключить, мы поговорить хотели? Следует гневный отказ, и мы, позабыв про кофе, постыдно спасаемся бегством. Вот что любопытно: владелец бара предпочтет отпугнуть клиентов, нежели пойти им навстречу и выключить музыку, хотя включил-то он ее, чтобы им же угодить. Ведь музыка в баре естественна, а эти клиенты, видно, совсем чокнутые.

И ведь испанец, увы, прав. Даже те из нас, кого перебергивает от музыки в общественных местах, бессознательно воспринимают ее как норму и с подозрением относятся к затишью. Недавно я зашел в London Review Bookshop, один из немногих книжных магазинов, где еще хранят священное безмолвие, и мне показалось, будто я попал в неестественную, могильную тишину. Наверное, то же самое чувствуют и другие посетители, вот и заглядывают сюда все реже. Кончится тем, что дивный книжный магазин обанкротится, благодаря чему прочие книготорговцы утвердятся в правильности своей политики, а покупатели окончательно привыкнут к мысли, что музыка в магазинах необходима и даже естественна. Беспощадно и неотвратимо век навязывает нам свою волю.

Что же делать? Пусть все идет своим чередом, или продолжать ссориться с коллегами и родственниками, жаловаться дантистам и управляющим книжных магазинов? Предостерегающим примером служит нам Шопенгауэр, который так рассердился на портниху, болтавшую у него под дверью и прерывавшую течение возышенных мыслей, что выскочил наружу и спустил бедную женщину с лестницы. Из этого эпизода можно извлечь не один урок, а несколько: он иллюстрирует не только нетерпимость и агрессию человека, поставившего себя выше заурядной толпы, но и преимущества той системы, над которой Шопенгауэр хотел превознести, — преимущества отвоеванного Просвещением равенства элементарных прав. Портниха подала на философа в суд, выиграла дело, и он был вынужден до конца ее жизни выплачивать ей ежеквартальное содержание.

Одержанность Хуана Рамона тишиной тоже доходила до болезненности, до фарса. Он все время переезжал из пансиона

в пансион, убегая от шума, который едва ли способно уловить ухо современного горожанина — то хозяйка пела этажом ниже, то этажом выше кубинки играли на пианино, кричали на улице разносчики, гудели провода, воробы, нахалы, чирикали. Однажды Рамон испробовал патентованное средство Пруста — нанял плотников, чтобы те обили стене подушками из мешков с травой эспарто. Не помогло, и он был вынужден опять переехать. На новом месте поэта довел до неистовства сверчок, которого держал в клетке сын консьержа. Изнемогающий поэт предложил мальчику выкупить у него вредное насекомое, надеясь избавиться от докуки. Тот не прочь был получить вознаграждение, однако не понял, сколь безумным побуждением руководствуется постоялец. Ему-то шум нравился. «За двадцать пять песет, — объявил отрок, — я добуду вам пять лучших сверчков — самых звонких и болтливых».